

Олег Фролов

Хроники Тца-ра:

Битва за Огненный остров

Олег Фролов
**Хроники Тиа-ра: битва
за Огненный остров**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=20536061
SelfPub;*

Аннотация

Меня зовут Тиа-ра, и я – наездник с Огненного острова. Кто-то назовет мою историю рассказом или даже фантазией о механических птицах, парящих островах, небесных камнях, мистиках и технократах, насильственном народовластии и немой войне. Пусть так, но я бы сказал иначе. Моя история – об умении распоряжаться свободой и той цене, которую иногда приходится платить за эту самую свободу. А еще – о гордости, жестокости, преданности и женщине, которая заслуживает этой преданности. Да, и о механических птицах. Все-таки о механических птицах.

Хроники Тиа-ра: битва за Огненный остров

Олег Фролов

Меня зовут Тиа-ра, и я – наездник с Огненного острова. Кто-то назовет мою историю рассказом или даже фантазией о механических птицах, парящих островах, небесных камнях, мистиках и технократах, насильственном народо-власти и немой войне. Пусть так, но я бы сказал иначе.

Моя история – об умении распоряжаться свободой и той цене, которую иногда приходится платить за эту самую свободу. А еще – о гордости, жестокости, преданности и женщине, которая заслуживает этой преданности. Да, и о механических птицах.

Все-таки о механических птицах.

0. Эпизод, которым вс

е

закончится. А может, только начнется

Падаю. То, что я много раз представлял, случилось. К этому невозможно подготовиться, и это невозможно пережить.

Мир вокруг бешено вращался. В течение каких-то нескольких секунд я, удерживаемый в седле лишь ремнями, переворачивался вниз головой, а потом снова возвращался в нормальное положение. Виток за витком, безо всякой возможности остановить это вращение и выровнять механическую птицу. По наклонной траектории она падала вниз – в белую пучину Ничто.

Со звоном оторвалось еще одно перо. Впрочем, уже

неважно. Искореженное и смятое левое крыло безвольно трепетало в потоке встречного ветра и теперь не удерживало машину в воздухе. Одним пером больше или меньше – никакой разницы. Птица падала вниз, возвращая меня к Началу.

Но то Начало, к которому я возвращался, не может быть началом этой истории. Возможно, началом других историй, жизней и реальностей, но только не этой. Мы же вернемся к тому, с чего все начиналось *здесь* и что привело меня в седло механической птицы, неуклонно падающей в Ничто со сломанным крылом. Это даст ответы на многие вопросы, на которые мне хочется ответить и самому. До сих пор хочется.

1. Гадание по травинкам в бороде

– До конца этой луны случится нечто ужасное, знаешь? – вдруг сказал Старик.

– То же самое ты говорил в начале прошлой луны, – сонно парировал я. Прямо сейчас закатные лучи солнца приятно ласкали лицо и проникали сквозь закрытые веки нежно-оранжевым светом. Ни о чем ужасном не хотелось ни слышать, ни думать.

– Но так и произошло, – проскрипел Старик прямо в ухо. – Я разбил свой лучший кувшин. Ну, ладно, один из трех лучших.

– Неужели теперь случится нечто более ужасное?

– Не знаю, не знаю... – покачал он головой, пропустив мимо ушей мою иронию.

– Ладно, тебе виднее.

– Виднее что?

– Виднее, в каком порядке будут разбиваться твои кувшины.

– Уверен, в этот раз случится нечто *действительно* плохое, – не унимался собеседник.

– Боюсь представить, – улыбнулся я и открыл глаза.

Так и знал: Старик сидел рядом на каменной скамье в пол-оборота ко мне, чуть подавшись вперед. Несколько ближе, чем мне хотелось бы.

В сущности, никакой каменной скамьи тут не было. Просто большой прямоугольный блок, грубо обтесанный, но до блеска отполированный сверху вполне конкретными частями тел. Не знаю, кто и когда его тут оставил, но располагался он аккурат между моей уммой и уммой Старика, и именно здесь мы любили провести один-другой солнечный шаг перед закатом. Солнце садилось за стены умм напротив, и в тот момент, когда глубокая вечерняя тень накрывала нас с головой, мы по обыкновению прощались и расходились по своим постелям.

Были ли мы друзьями? Вряд ли. Я даже не знал, как на самом деле зовут Старика и не помнил, откуда он здесь появился. Да и встречались мы на скамье как будто бы случайно. Но ему были отчаянно нужны свободные уши, а я... А я был не против.

– Это... Как там твоя Пши-те? – внезапно сменил тему

Старик.

– Ши-те, – строго поправил я.

Когда дело доходило до моей механической птицы, я переставал быть ироничным. Мне казалось, что одна из лучших летающих машин на Архипелаге заслуживает предельно серьезного отношения. И уж точно стоит того, чтобы ее имя запомнили правильно.

– Ну да, она. Летает?

– Да.

– Удивительно, – покачал головой Старик, а я в это время чуть подвинулся к краю скамьи, удерживая комфортную для себя дистанцию.

– Ничего удивительного, – говорю совершенно серьезно. – Я тебе много раз рассказывал, как это происходит.

– Да, но старики склонны забывать, – прищурился он.

– Я знаю это лучше других.

– Может, мне нравится, что в мире остается что-то удивительное, – Старик привычно пропустил мою колкость мимо ушей. – Так что ты мне больше не рассказывай об этом... О небесных камнях там и механике вашей.

– Я и не собирался.

– Знаешь, говорят, Тот-ра назвал Пши-те в честь женщины? – то ли спросил, то ли поведал Старик, снова сменив тему.

– Ши-те. Она называется Ши-те.

– Ну да, она.

– А про женщину я ничего не слышал, – холодно ответил я. Когда речь заходит о Тот-ра, главном механике нашего острова, я становлюсь еще серьезней. Примерно вдвое.

– Точно тебе говорю, – кивнул Старик и подвинулся ближе. – Ее звали Пши-ку. Помню, как сейчас...

– Ничего ты не помнишь, – перебил я. – Снова выдумываешь какие-то истории, а потом и веришь в них сам.

– Не хочешь – не буду рассказывать. Но Тот-ра назвал Пши-те в честь женщины, точно тебе говорю. Вот спроси у него сам.

– Ничего я не собираюсь спрашивать. Нет дела мне до твоих сплетен.

Сегодня Старикуну удалось порядком разозлить меня. Этим вечером победа за ним. И я, уже не скрываясь, подвигаюсь в сторону. К самому краю камня.

– Хорошо, чего уж... – пожимает плечами Старик и полностью уходит в поиск сухих травинок в собственной бороде.

Неизвестно, как они оказываются там, но, по всей видимости, в бороде Старика можно собрать целый гербарий. Такой он весь – выцветший, высушенный солнцем, неряшливый, но живой. В некотором смысле более живой, чем я сам.

А потом, спустя несколько минут, Старик роняет:

– До конца луны случится нечто ужасное, верно говорю.

– Гадание по травинкам в бороде? – привычно парирую я.

– Нет. Просто так задумано, – говорит он и, кряхтя, поднимается на ноги.

Вечерние тени уже ложатся на наши лица. Над стеной уммы напротив солнце успело превратиться в ослепительную оранжевую полосу, а потом – и совсем скрыться из виду.

Время уходит наступает всегда. Жаль, что время слушать мы не всегда используем по назначению.

2. Нечто действительно ужасное

С чего же на самом деле началась эта история? Уж точно не со Старика. И тем более не с состояния его бороды.

Может быть с того, что Тот-ра сказал: «Будешь летать» и тем самым определил мою судьбу – так легко и небрежно?

Или с того, как в день Оту-мару механические птицы храмовников впервые пролетели над нашим островом?

Может, и так. Но первое слишком эгоистично, а второе – несправедливо. Несправедливо ко всему множеству событий, которые привели меня и всех жителей Огненного острова к этому самому дню.

Думаю, что на самом деле эта история началась тогда, когда однажды после полудня в Ничто опустился Конструкт – один из восьми парящих островов Архипелага. Он исчез в белом мареве нижнего предела, выпустив на свободу силы, с которыми мне и предстояло столкнуться. Предстояло столкнуться всем нам.

Вы наверняка спросите: «Как же мог упасть вниз целый остров?» А я не найду, что ответить. И пусть он, как и семь

других, просто парил в воздушном океане и по всем признакам должен был рухнуть в Ничто уже давно, но этого не происходило. С самого Начала Памяти (и, вероятно, еще раньше) Архипелаг медленно плыл на закат – день за днем, солнечный цикл за солнечным циклом. И на этом архипелаге свое путешествие продолжали мы – его жители. Обычные люди, которые плавил металл, выращивали грибы и травы, строили хитроумные механические устройства, говорили о политике, познавали себя и жителей соседних островов.

Силу, которая удерживала огромные куски земли в воздухе, искренние мистики называли Непознанным. Технократы говорили о магнитном поле Ничто – о том, как плывут по нему острова на подошвах из небесных камней. Мы же – все остальные, – просто занимались своими делами и не задумывались о том, чего изменить невозможно.

А потом однажды после полудня Конструкт начал опускаться. И тот порядок вещей, который всегда казался данностью, стал стремительно меняться. Быстрее, чем можно было представить и принять.

Подножка и седло. Несколько движений рычагов – вперед и назад, влево и вправо, в стороны и к центру. Оперение хвоста и крыльев послушно реагирует, позвякивая стройными рядами металлических пластин. Привязываю себя к седлу ремнями.

Я делал все это уже множество раз, и каждое движение до-

ведено до автоматизма. Делаю, не раздумывая, и, пожалуй, еще не вернув себе способность думать. Всего несколько минут назад я спал – изо всех сил держался за остатки полуденной дремы, бодрствующей частью ума проклиная служителя на башне. А он звонил и звонил. Звонил и звонил.

Можно было подумать, что таким образом служитель предупреждает зарвавшегося странника на механической птице, но слишком уж долгим и беспокойным был этот звон. В его рваном ритме чувствовалась плохо прикрытая паника.

– Готовь прыжок! – крикнул я Мак-ра – механику, обслуживающему птицу.

– Что там в...

– Нет времени! – бесцеремонно перебиваю его. – Готовь!

– Зачем? Что случилось? – растерялся Мак-ра и рассеянно вытер руки о хартунг.

Я ничего не отвечаю, только щелчком привожу в действие силовую спираль. В следующую секунду она готова подать энергию на небесный камень, намертво влитый в каркас машины. Блестящее металлическое туловище едва заметно качнулось на нос. словно живое существо, приготовившееся к прыжку.

– Готово?

– Еще минуту, – раздалось откуда-то из-под наполовину сложенного левого крыла.

– Быстрее! – щелчки заводного рычага становились все более глухими и тугими, пока окончательно не замолкли.

Ши-те готова к полету.

– Так, что делается, м? – не выдержал Мак-ра, выглянув из-под оперения. На глуповатом и добродушном лице с жалкими зачатками бороды отразился максимум любопытства, на которое оно было способно.

– Конструкт падает! – крикнул я и резко потянул на себя ручки. Крылья сложились в стартовое положение, едва не зацепив механика. Он крикнул что-то и отскочил на несколько шагов в сторону.

Уже в следующую секунду активирую прыжковый механизм. Птицу подбросило в воздух, и, как всегда, у меня оставалась всего пара секунд, чтобы расправить оперение и подать силу на небесный камень.

Слышно, как открываются крылья и распускается хвост птицы, которая уже зависла где-то в верхней точке короткой дуги и готова рухнуть на землю всей тяжестью своего металлического тела. Это кажется неизбежным и неотвратимым. Именно в этот миг раздается характерный вздох каркаса, сжимаемого перегрузками: небесный камень внутри преодолел притяжение. Он уже влечет птицу вверх и вперед.

В паре шагов от земли машина скользит по воздушной подушке между оперением и поверхностью. Еще один небольшой наклон рукоятки – и Ши-те начинает подниматься выше. Фигура Мак-ра быстро уменьшается – неподвижная, растерянная. Полминуты – и я не вижу его совсем. Только огромный остров раскинулся на восемь тысяч шагов с вос-

хода на закат и примерно на столько же – от лунной к не лунной стороне. Его форму можно было назвать правильной, если бы не впадины и мысы, изрезавшие окружности почти по всей его длине.

Еще более ощетинившимся, угловатым был он сам. Он, покрытый невысокими, но хорошо заметными с воздуха каменными выступами и террасами, тесно сбитыми, в чем-то даже изящными умм-канами, морщинами дорог и проходов. Светлое пятно Площади по центру острова и угрюмая, грязно-зеленая плоскость пустыря на рассветной стороне смотрелись в этом пейзаже инородными вкраплениями.

Один взгляд на все это. Наверное, чтобы просто убедиться: все на месте. Остров выглядит так же, как и всегда, как и в любой из сотни полетов до того.

Знать это – пока достаточно. Сузив оперение и подав на камень едва ли не максимальное напряжение, я рванул к Конструкту. И очень скоро под лапами механической птицы развернулись бескрайние пространства Ничто – объемная, подвижная и пугающая пустота.

Через некоторое время под левым крылом Ши-те проплыл Зеленый Остров, справа остался хмурый булыжник Острова-горы и крошечный Библиотечный Остров. В обычных условиях до последнего было не менее солнечного шага лету, но сейчас я преодолел этот путь едва ли не вдвое быстрее. Выжимал из птицы все, на что она была способна, шурился от рези в глазах в плотном потоке набегающего возду-

ха.

Тем не менее даже за это короткое время Конструкт заметно опустился ниже. Почти касался верхних, полупрозрачных слоев марева над Ничто. Ни один из ныне живущих не опустится так низко по своей воле. Так низко и так близко к Началу.

До Конструкта не так уж много, и я приподнялся в седле, пытаюсь рассмотреть хоть что-то. Какой-то знак. Признаки катастрофы или Вмешательства, как бы оно ни выглядело.

С первого взгляда – ничего. На солнце переливалось и блестело невероятное количество металлических шпилей, талей, мостов, зданий необычного вида, многочисленных механизмов, о назначении которых знали, наверное, только сами конструкторы. На теле этой угловатой гигантской машины уже не было видно поверхности самого острова. Впрочем, как и прежде она выглядела живой. Живой и подвижной. Такой же, как она выглядела однажды, в нашу первую встречу. Тогда от удивления и восхищения я, еще неопытный и молодой наездник, забыл об управлении и едва не перевернулся.

В ту минуту, когда я расправил крылья птицы и опустил к минимуму силу на небесном камне, по нижним ярусам и внешним площадкам Конструкта прокатилась первая волна тумана, а основание острова уже погрузилось в непроглядную пелену. Волна за волной туман накатывал на скальные выступы, идеально расчерченные террасы для прогулок

и пустые площадки для гостевых птиц. Накатывал, иногда еще обнажал что-то – какую-то малопримечательную деталь, тумбу или скамью. Но потом напоззла еще одна волна тумана, и не видно больше ничего. Марево поднимается выше и выше, хотя на самом деле остается там, где и было всегда. Постепенно замедляясь, планирую на расстоянии пары сотен шагов от края Конструкта. Пытаюсь рассмотреть, что же происходит на самом деле.

Но вот в чем дело: на острове не происходит ровным счетом ничего. Ни одного движения. Ни одного человека на террасах и площадках. Совершенно пусто в проходах, у пультов механизмов, на башнях. Остров как будто вымер и превратился в безжизненную массу – наполовину механическую, наполовину каменную, с редкими клочками приземистого кустарника. Такие места, немногочисленные террасы с растительностью, тщательно огороженные со всех сторон, конструкторы называли виадами. Виада – «остров-прошлого-в-острове-настоящего».

Это – единственное живое, что я видел сейчас.

Минуту за минутой я вглядывался в молчаливый монолит, описывая его по дуге вдоль проекции, но так и не увидел никого. Нет людей, как нет и их безжизненных оболочек. Кое-где брошенные самоходные тележки, наспех сброшенные в кучу контейнеры, какой-то хлам в проходах. Признаки беспорядка, но не хаоса.

В следующую секунду я почувствовал на своем лице

влажные, холодные капли и с ужасом понял: опустился слишком низко, и Ничто уже касается меня самого. К тому времени птица уже едва планировала сквозь легкий туман и имела все шансы свалиться на бок. Белые шапки нижнего предела – не более, чем в пятидесяти шагах ниже.

Быстро собираю оперение в подъемную позицию, перевожу тумблер силовой спирали на большую мощность. Небесный камень преодолевает силу тяжести: Ши-те медленно, словно борясь с притяжением бездны, поднимается выше.

...Боковым зрением замечаю еще один летающий объект. Сначала – только отблеск металлического корпуса, вспышка где-то на периферии взгляда, а потом, спустя несколько секунд, становится видна и сама машина.

Я надеялся, что это – одна из легендарных летающих машин Конструкта, но нет. Это – Камо-те, новейшая механическая птица храмовников. Просто зритель, такой же, как я.

Видеть Камо-те прежде мне не приходилось, но то, как описывали эту машину, слишком узнаваемо. Слишком узнаваемы короткие, острые крылья, небольшой, но плотно сбитый корпус, массивный и тяжелый нос. Говорят, их множество – одинаковых, вплоть до последнего винта и шва на корпусе. Десять? Или даже двадцать?

Для того, чтобы рассмотреть Конструкт поближе еще раз, мне пришлось заложить широкий вираж. На это ушло несколько минут, и когда снова оказался рядом, над густой пеленой остались видны только металлические шпильки

и несколько самых высоких башен. Одна из них проплыла совсем рядом: круглый металлокерамический корпус тускло отражал солнечные лучи и чернел небольшими прямоугольными окошками.

Кажется, все чувства ушли в созерцание. Все мое существо – один только взгляд, слух, инстинкты. И тут, почти потеряв надежду увидеть хоть что-либо, я вдруг заметил человеческое лицо. Там, в одном из окошек башни. Нечетко, как призрак, как тень. Но там – человек. Я видел это. Был, а в следующую секунду скрылся в недрах здания.

А башня... Быстро проваливалась в белую пелену вслед за островом – исчезала за границей нижнего предела, как любили называть Ничто технократы.

Еще минута – и не осталось ничего. Ни знака, ни напоминания. Хотелось уцепиться за что-то взглядом, убедиться, что не все исчезло. Но смотреть больше не на что. Сквозь плотное покрывало концентрации чувствую смятение, которого не испытывал никогда раньше. Видимый мир Архипелага менялся на глазах. И, судя по всему, уже не станет прежним.

Заложив последний вираж на том месте, где в считанные часы исчез целый парящий остров, я повел птицу вверх. Одинокая храмовая птица все еще здесь – описывает круг за кругом над быстро затянувшейся дырой в Ничто, но мне тут делать уже нечего...

Откуда-то с закатной стороны движется буря. Там, пока

еще далеко Ничто бурлит, выбрасывает вверх клочки облаков, меняет цвет с белого на серый с темными глубокими тенями. Его сминает невидимая сила, а на поверхности то и дело просвечиваются фиолетовые сполохи.

Женщины верят: сильная Буря-в-Ничто – предвестник перемен. А искренние мистики утверждают, что именно так Созидание напоминает о неизбежном Вмешательстве.

Не знаю, как на самом деле, но сегодня легко поверить и в то, и в другое.

3. И что же дальше?

В обычной жизни мы с Тот-ра виделись не так уж часто. Наверное, только тогда, когда этого требовало наше общее дело – доработка, ремонт и обслуживание Ши-те. Она была его детищем, а я... Благодаря Тот-ра я стал тем, кто я есть. Наездником. Владельцем одной из лучших летающих машин Архипелага.

Наверное, мне стоило быть более благодарным, а ему – проводить чуть больше времени за пределами своей мастерской. Но говорить с Тот-ра мне было непросто – его авторитет, положение и возраст подавляли, а угрюмый характер не позволял преодолеть этот барьер. А сам он хоть и испытывал ко мне своеобразную симпатию, предпочитал общество машин, а не людей.

Как следствие, в обычной жизни мы виделись нечасто. Но теперь, едва только приземлившись на своей площадке, я не

придумал ничего лучшего, чем отправиться к Тот-ра. Я не знал, к кому еще могу пойти в такой момент.

...А остров гудел, как растревоженный улей. В каждом проходе, на каждой площадке или террасе находился кто-то, кто говорил, спорил, спрашивал или даже плакал. А еще чаще – молча заглядывал в лица окружающих в поисках ответов.

Подавляющее большинство этих людей никогда не были на Конструкте и никогда бы там не побывали. Для них он был странным и одновременно легендарным местом, откуда наездники и странники иногда привозили разнообразные механические чудеса. Конструкт им не был важен или даже интересен. Но что бы Вы сказали, если бы одна восьмая вашего мира вдруг исчезла? Если бы четверть населения Архипелага в течение нескольких часов отправилась в Ничто – к самому Началу или еще дальше?

И где теперь уверенность в том, что вслед за Конструктом не последуют другие острова – один за другим?

Мастерские замерли. Земледелы оставили свои участки. Новые жизни носились пестрыми стайками, а матери не звали их домой.

Даже Безумный камнеискатель гремел своей цепью особенно громко. Проходя мимо того места, где в тени под уступом обычно оставляли его на день, мне пришлось прижаться к противоположной стене, чтобы он не схватил меня за

одежду. Цепь то звенела, ударяясь о камни, то натягивалась до предела. Безумец тяжело дышал, в его груди что-то колотало и хрипело.

Само собой, Тот-ра я нашел в Полукруге – его бессменной мастерской. Под навесом рядом с колонной он собирал на столе какой-то небольшой механизм и, казалось, совсем не интересовался происходящим. Никого из других механиков рядом видно не было.

– Мирами! – поприветствовал я Тот-ра и тут же, не дожидаясь ответа, поинтересовался: – Ты занят?

Главный механик медленно обернулся и посмотрел на меня таким взглядом, от которого объем тела обычно уменьшается. Примерно до размеров насекомого.

– Так есть, – через время ответил он, продолжая копаться в деталях.

– Что делаешь?

– Ты хотел что-то сказать? – прервал Тот-ра мои неловкие попытки завязать разговор.

– Да... Пожалуй, да.

– Так говори.

– Ты слышал о том, что случилось? – наконец выпалил я.

– Так есть, – только и сказал Тот-ра, не отрываясь от работы.

– Знаешь, я был там.

Механик на несколько секунд остановился и вытер руки

засаленной тряпкой. Но почти сразу выудил щипцами из металлической банки очередную миниатюрную деталь и принялся ввинчивать ее в шарообразный узел.

Я вдруг подумал, что за такой работой главный механик смотрится даже забавно. Его массивная прямоугольная фигура и огромные сильные руки, больше похожие на захваты кранов, лучше бы смотрелись с молотом и наковальней, чем со щипцами и миниатюрными деталями.

– И что ты видел? – наконец пробасил он без особого интереса в голосе.

– Не знаю... Практически ничего. И никого.

– Никого?

– Вообще никого. Совершенно пустой остров. Одного человека я как будто бы увидел в окне башни, но не уверен... Могло и показаться.

– Понятно, – ответил Тот-ра, вылавливая очередную деталь в банке.

– Что ты думаешь об этом? – спросил я о том, ради чего и пришел.

– Это плохо, – медленно ответил главный механик.

– Плохо?! И все? – чуть резче, чем следовало бы, переспросил я.

– Это плохо. Они сделали Архипелаг другим. Лучше. А теперь все может обратиться назад.

– Послушай... Люди говорят о том, что это конец. Понимаешь? Следом за Конструктом могут упасть в Ничто и дру-

гие острова... И мы тоже. Люди говорят, что это только начало, и скоро нас всех не станет, как и конструкторов.

– Откуда ты знаешь, что их не стало? – спокойно спросил главный механик.

– А как иначе? – растерянно проговорил я.

– Я не уверен в этом. Кроме того – это их дело.

– Это дело очень скоро может стать нашим, если остальные острова упадут следом, – горячился я.

– Не думаю, что это случится, – после небольшой паузы ответил Тот-ра.

– Почему ты не думаешь?

– А почему так нужно думать? Если треснул один кувшин, не обязательно треснут семь других. Может быть, позже. В свое время. Не обязательно сразу.

– Может, ты и прав... Не знаю, – покачал я головой. – И все же – столько людей... Я бы сказал, что их жаль, но слово «жаль» сюда совсем не подходит... Я не знаю, что думать. Я даже не знаю, что чувствовать.

– Я уже сказал. Не жалей их. Пожалей нас. Они сделали Архипелаг лучше. Кто знает, каким он станет теперь.

– А каким он станет теперь?

– Я же сказал – кто знает. Я лично не знаю.

Тот-ра начал раздражаться, и я замолчал. Просто сидел на полу рядом с колонной и слушал, как поскрипывает в миниатюрных недрах механизма винт, который затягивает механик. А вместе с этим – посвистывают в лабиринтах По-

лукруга сквозняка. Позвякивают в этих потоках цепи талей и небольших лебедек. Гудит где-то неподалеку мастеровая печь, в спешке оставленная кем-то из механиков.

Кажется, то же самое услышал Тот-ра.

– Как можно полагаться на таких людей? Разве это механики? – проворчал он и зашел за перегородку, чтобы закрыть задвижку. Через пару минут печь затихла. И словно вместе с ней улеглась та буря, с которой я пришел к Тот-ра. Его суровое спокойствие заразительно. Не менее заразительно, чем паника, которая царила за пределами Полукруга.

– Благодарю тебя, – сказал я главному механику. Так было почти всегда: молчание затягивалось, а значит – наступало время прощаться.

Тот-ра что-то пробурчал в ответ. Он не любил, когда его благодарили. Искусство в чистом виде, а не благодарности – вот что интересовало его в технике больше всего.

Почти уже при выходе из арки я увидел, как шар в руках Тот-ра ожил. Ожил и зазвучал. Тинь-тонг, тинь-тонг, тинь-тинь-тонг, тинь-тонг. Всего два звука, сменяющие друг друга в простейшей мелодии. Но играли ее не женщины на табруках и не старики на деревянных свистках. Ее воспроизводил механизм.

Тот-ра ухмыльнулся, и это совершенно точно означало удовлетворение. Пока Конструкт падал вниз, а остальной Архипелаг сотрясали страсти оставшихся, главный механик Огненного острова собирал нечто красивое, но совершенно

бесполезное. И я не мог сказать с уверенностью, было ли это способом защититься от неотвратимых изменений или признаком непоколебимого спокойствия. Я бы позавидовал и тому, и другому.

На Площади людно. Наверное, здесь большая часть людей Огненного острова. Людно, шумно и нервно. Не знаю, зачем пришел сюда сейчас. Быть среди людей тяжело, но оставаться одному, пожалуй, еще сложнее.

– Падает, падает... Слышите, падает! – закричал вдруг худой мужчина средних лет. По виду – уммер или служитель из средних.

Пара молодых женщин отшатнулись от него. Так, будто падает лишь часть острова под ногами мужчины.

– Еще один на цепь захотел, – прикрикнула то ли на него, то ли на окружающих немолодая женщина. Из тех, которых не напугать исчезнувшим островом по соседству (другое дело – ссадина у новой жизни или жуки в лежалом зерне).

– Чувствуете? Падает... – снова взвизгнул мужчина, но уже не так уверенно.

Никто ничего не почувствовал, но одна из молодых женщин заплакала, а нервное «падает» эхом отозвалось где-то в толпе. Толпа сжалась, загудела, зарычала сама на себя и подавила приступ паники. Пока что подавила.

Из раструбов голос-машины звучал Моту-ра, главный законник острова. Его гулкие акценты переплетались с гомо-

ном людей и звучали с ним, как единое целое. Далеко не все слова можно было разобрать.

«Многие думают, что ... Конструкта – это только начало. Но я ... мы не знаем ничего наверняка. ... думает, что эти события – начало Вмешательства, кто знает, в чем оно будет заключаться? ... может, это просто ужасная катастрофа, которая случилась с Конструктом, но вовсе ... с другими островами.

Я просто хочу сказать, что нужно продолжать жить, как жили, и надеяться на лучшее. Надежда – то, что делает нас сильнее...»

И так далее в таком же духе. Моту-ра говорил спокойно. Его слова тесно скреплялись винтами логики и громоздились друг на друга, как хорошо спроектированная умма. Но сейчас... Сейчас в этом не было никакого смысла.

Моту-ра внимательно слушали в дни голосований. Когда Закон должен был вмешаться в жизнь обычных обитателей острова, каждое его слово находило цель. Закон – послушное орудие в его руках, и он умел им распоряжаться во благо других. Моту-ра цитировали. Старики пересказывали друг другу его речи на скамьях у своих умм.

Но какой толк от Закона, когда весь видимый мир под угрозой?

В гуле человеческой массы я выхватывал обрывки фраз из репродукторов, такие же ровные, ясные и логичные, как и обычно, но понимал: их не то, чтобы не слушают, – их не

слышат. Они не нужны никому. А вот вопль «Падаем!» никому неизвестного служителя – в центре внимания. Он ввинчивается в умы окружающих болезненным откликом собственных страхов.

– Одну луну назад был там! – вещал с очередного каменного блока-трибуны упитанный мужчина в изысканном хартунге. По всему видно – не последний из функционеров. – Сопровождал груз, да. Говорю-де этому... как же у них называются... служителю, в общем: «Ветра сейчас хороши». А он помолчал так многозначительно, посмотрел-де на меня и говорит: «Потреплет Ничто скоро». Слышите? Так и сказал!

– Так и правда внизу была буря, когда ветра усилились... – осторожно заметил кто-то из группы зевак.

– Глупец! – рявкнул мужчина. – При чем тут ветра?! Глубже смотри! «Потреплет, – говорит, – Ничто». Знал-де, что упадут туда! Знал или чувствовал!

Толпа промолчала. Мысленно пожала плечами.

Мужчина говорил что-то еще – то самое, что никто бы и слушать не стал раньше. Сыпал сбывшимися пророчествами и знаками.

Тумбы для ораторов, выстроившиеся на Площади в два стройных ряда напротив главной трибуны, захватили лжепророки и паникеры. Я проходил мимо каждого из блоков, не останавливаясь, лишь выхватывая на ходу обрывки фраз и улавливая тональность толпы.

Наверное, я бы дошел так до главной трибуны, а потом

– покинул Площадь, но один из тех, кто говорил с каменных тумб, все же заставил меня остановиться. Скользнул по периферии слуха словом «Вмешательство», захватил фокус внимания. Сам того не осознавая, я подался ближе, влился в молчаливую кучку людей у возвышения, где находился мужчина невысокого роста, немного сутулый, с крупной головой, которая словно тянула его к земле. Один из тех, о котором с первого взгляда вообще трудно сказать что-то определенное. И со второго взгляда тоже.

– Архипелаг меняется, – говорил он. – И мы знаем это. Мы знаем, *почему* он меняется. Мистики и техники это понимают, это понимают в женских родах, это понимают на любом острове. Но многие не могут поверить в то, что и так очевидно. То, что происходит, есть Вмешательство, о котором искренние мистики говорили давно.

Нахожу знакомое лицо рядом.

– Кто это? – спрашиваю шепотом.

– Тик-ра, говорят. Служитель из последних, говорят, – глухо отозвался пожилой механик из Полукруга и погладил себя по выцветшей бороде, сплетенной в небрежную косу.

– Оно началось. Оно уже здесь. Так много солнечных циклов Созидание лишь молча наблюдало, а теперь оно уже здесь. Меняет наш мир. Каким он стал? Но не таким, каким должен был быть, – голос оратора глухой, но достаточно твердый и ясный, отбивал слово за словом, подобно механизму.

Каждое из них точно следовало за предыдущим с идеально ровным интервалом, было ни громче и ни тише, ни сильнее и ни слабее. Можно было подумать, что в это тщедушное, малоподвижное тело кто-то установил устройство, которое воспроизводит заранее подготовленный текст, а Тикра остается только открывать рот в такт словам.

Говорят, такой механизм был на Конструкте. Стоял на перекрестке и сообщал время каждый солнечный шаг.

– Что ж есть такое твое Вмешательство, а? – крикнул кто-то смелый из толпы. – Расскажи, а то я уж позабыл детские сказки.

Кто-то ухмыльнулся, кто-то хихикнул – нервно, коротко, неискренне. Трусливо прикрываясь иронией, люди все же хотели услышать ответ. Они просто жаждали этого ответа и боялись пропустить любое слово.

– Думать было глупо о том, что Вмешательство не случится, что Вмешательство есть легенда, – без тени обиды или иронии в ответ продолжил оратор. – Когда механик создаст машину, он испытывает ее. Наблюдает за тем, как она работает. И если машина через время начинает работать не так, как должно, механик начинает менять ее – выбрасывает все лишнее и исправляет то, что исправить можно. Это и есть Вмешательство. Это и есть Вмешательство, которое началось теперь. Но подумайте, что первым сделает механик, открыв корпус испортившейся машины?

– Пойдет передохнуть, – выкрикнул кто-то.

– Он уберет то, что *точно* не нужно и не работает так, как надо, – Тик-ра проигнорировал ответ и спокойно впечатал в сознание окружающих нужную мысль. – Именно так Созидание избавилось от Конструкта. И это должно сказать нам о многом.

Пока оратор говорил, я протиснулся поближе, чтобы лучше его рассмотреть, но не нашел ничего нового. Тик-ра оказался одним из тех людей, которых достаточно увидеть издали. Нет смысла рассматривать детали там, где нет этих самых деталей, а все недостающие подробности воображение дорисует и так. Просто невзрачное лицо с глубоко посаженными глазами – физиономия без возраста и выражения. Если бы не грубо обрезанная борода и традиционные три ремня, которыми был перехвачен хартунг, я бы засомневался и насчет пола.

– Все мы видели, как Вмешательство приближается, – продолжал чеканить Тик-ра, а людей вокруг становилось все больше. – Все мы видели, как Бури-в-Ничто стали происходить чаще. Многие слышали о том, как храмовники предсказывали скорое Вмешательство. И оно произошло – Архипелаг меняется у нас на глазах. Только глупцы могут отрицать то, что и так видно, то, что все понимают.

Тик-ра замолчал так, как будто кто-то нажал на рычаг механизма и временно остановил его движение. В другом случае это можно было бы назвать эффектной паузой, но сейчас это определение вряд ли подошло бы. Наверное, он замол-

чал, чтобы дать притихшим слушателям осмыслить сказанное. Кто-то вышел из толпы и пошагал прочь, но основная масса просто ждала продолжения.

Механик рядом хмыкнул – почти одобрительно. Высокая женщина тяжело вздохнула, покачала головой, но не сдвинулась с места.

– И что же дальше? – нервно прозвенел неподалеку женский голос.

– Да, может, у вас есть пророчества и поточнее, а? – сказал, кажется, тот же, кто спрашивал про детские сказки. По всей видимости его ирония иссякла, не успев себя проявить. Там, где детские сказки начинают сбываться, уже не до шуток.

– Не нужно пророчеств, – отозвался Тик-ра. – Просто подумайте, что бы *каждый из вас* сделал дальше на месте Созидания?

– Починить попробовал бы, – проскрипел пожилой механик рядом. Сразу несколько пар глаз посмотрели прямо на него, и я инстинктивно отодвинулся на шаг вправо.

– Так и есть, – сказал Тик-ра чуть громче, чем обычно. – Предсказания храмовников – это не пророчество. Это – голос здравого смысла. Не до конца удовлетворенное тем миром, который оно создало, Созидание попытается его изменить. Мы не можем знать точно, *как* именно, но мы видим, что это происходит сейчас. Это происходит на наших глазах в эти дни. Все, что мы можем, – понять, что было в нашем

мире не так, и избавиться от этого. Иначе Созидание избавится от нас так же, как от Конструкта.

– Что же не так? – с нотками истеричного фальцета выкрикнула та же женщина.

– Задайтесь вопросом: зачем наш мир в руках Созидания, и вы найдете ответ сами.

– Зачем?! Говори уже... К чему это все?!

– Зачем механики создают лучшие свои машины? Зачем харматы плетут лучшие свои полотна? – не унимался Тикра, не проявляя, впрочем, ни одной лишней эмоции. Только глаза его горели где-то под массивными надбровными дугами.

– Самолюбие, – отчеканил он, не дожидаясь ответа. – Они хотят признания. Но у механиков есть те, кто признает их труд. Для Созидания же единственные свидетели творения его – *мы сами*, результаты творения. И зачем Ему нужен тот мир, который забыл своего создателя и не благодарен ему больше? Скажите, зачем?

Толпа молчала, совершенно подавленная и растерянная.

– Единственный путь к Созиданию – это Храм. Единственный способ снова почувствовать благодарность – это страдание. Не надо пророчеств, чтобы понять: тяжелые испытания ждут нас. Быть может, остров будет против острова, рудокоп против рудокopa, сородич против сородича. Быть может, другие острова упадут в Ничто и исчезнут навсегда? Мы не знаем этого. Мы точно знаем лишь одно – когда Вме-

шательство закончится, останется один Храм. Не останется тех, кто далек от Созидания, и не будет того, кто не признает его славы и величия. Демонстрируя силу свою, Созидание оставляет нам выбор и позволяет самим решить: будем ли мы частью Его безупречного творения или останемся историей неудачных опытов.

Тик-ра постоял еще пару секунд, а потом спустился по ступеням и влился в расступившуюся толпу. Как будто его тут и не было.

Почти беззвучный, но ощутимый кожей вздох прокатился среди людей. Вздох сброшенного оцепенения и плохо скрываемого ужаса. Кто-то что-то зло и неразборчиво выкрикнул.

– Проклятые мистики – сплюнул мужчина рядом. Но тут же на него зашипели с двух сторон. Я был уверен – громче всех шипели те, которые еще вчера посмеивались над искренними мистиками по соседству.

Правильно сказал когда-то Моту-ра: *«Истинное мировоззрение легко переживет замену мира. Чтобы разрушить ложное мировоззрение, достаточно и упавшего горшка»*. Единственным мировоззрением многих было то, что вчера похоже на сегодня, а сегодня будет похожим на завтра. Слишком быстро они становились мистиками. Слишком легко слова Тик-ра попадали в их уши.

Но попали ли они в мои уши?

А вечером ко мне пришла Сущность. Я почувствовал ее

присутствие где-то на границе сна и реальности, когда мысли уже начинают путаться, но темнота той стороны еще не поглотила окончательно.

В какой-то момент Сущность просто появилась в сознании. Нет, не физически и даже не иллюзорно. А так, будто была там все время, но теперь позволила себя увидеть. Позволила в тот момент, когда ум все еще способен воспринимать информацию, но уже не слепит себя бесконечным круговоротом картинок.

– Камень. Чашка. Женское ухо. Щепка. Орех.

Как это обычно и бывало, Сущность быстро перебирала образы в моей собственной голове в поисках нужного. Так, как человек выбрасывает из сундука старый хлам, чтобы найти что-то определенное. К этому трудно привыкнуть, но я почти привык. Я даже научился отличать тот смысл, который действительно хотела озвучить Сущность.

– Светоспираль. Плечо. Щипцы для зубов. Барьер. УКАЗАТЕЛЬ.

Значит, «Указатель». Перед мысленным взором стояла покосившаяся рогатка, укрепленная между камнями, а на ней – продолговатая дощечка, заостренная с одной стороны. Этот указатель собрал я сам, когда был еще новой жизнью семи или восьми солнечных циклов от рода. Собрал и поставил в проходе между уммами. Наверное, просто от скуки.

Этот указатель – дорога к Площади.

Сущность исчезла так же, как появилась – без лишних

знаков и церемоний. А может, это я сам окончательно провалился в сон. Все, что осталось к утру, – нелепая табличка, которая указывала на Площадь. Именно то, что и хотела сказать мне Сущность.

Конечно, я не мог представить, что это значит, но... Был рад этому знаку или, если хотите, знамению. Именно сегодня – рад.

Это значило, что все мы, а значит, и я сам, пока еще не обречены. Обреченным не дают знамений, верно?

4. Если не получается быть сильнее, будь с тем, кто сильнее

Если бы точно знал, что такое дружба, я бы сказал, что Мику-ра – мой друг. Но вместо этого скажу: я знаю Мику-ра очень давно. С тех самых времен, когда мы, две новые жизни, носились бесцельно по острову и собирали из всякого хлама указатели. Мне кажется, что с тех пор прошла целая вечность, но на самом деле – значительно меньше.

С тех пор мы часто оказывались ближе или, наоборот, совсем теряли друг друга из виду. А потом стали теми, кем стали: я – наездником, а он – законником. В некотором смысле мы оказались по разные стороны социального устройства. Ни вверху, ни внизу, а просто – по разные стороны.

Хотя... Будем честными: я себе льщу. Быть законником – это перспективно и престижно, а наездником – странно и неперспективно. Если, конечно, не говорить о перспективе

досрочно отправиться к Началу.

Глядя на Мику-ра, так и хочется сказать: перспективный и престижный в каждой детали. От изысканного хартунга из редкой черной ткани до бороды из трех кос. На уровне подборода они сплетались между собой в еще одну косу, выгнутую внутрь и касающуюся ремня на груди.

А еще – он действительно хорош в том, чем занимается, и всегда уверен в себе. Скажу больше: иногда мне кажется, что эту уверенность он высасывает из окружающих. Из меня так уж точно. Рядом с Мику-ра я таинственным образом теряю убежденность в том, в чем не сомневался еще несколько минут назад. Особенно, если это мнение расходится с мнением самого Мику-ра.

Может, это просто дар внушения? Впрочем, не так уж важно слово, важнее то, что я чувствовал рядом. Это – неуверенность. И для неуверенности этой была еще одна причина, о которой мне не хочется говорить сейчас. Может быть, позже.

– Ты мне нужен, – сказал вместо приветствия Мику-ра на следующее утро, только показавшись в арке моей уммы.

Я кивнул, забыв спросить: «Зачем?». Решительным жестом он отказался от традиционного предложения воды и увлек меня за собой в переплетения проходов и умм-канов, туда, где стояла на каменной площадке моя Ши-те.

– Куда летим? – догадался спросить я, уже взобравшись

в седло.

Мику-ра сел во второе седло позади меня и торопливо привязал себя ремнями.

– На Зеленый остров, – поморщился он. – Похоже, с ним называют проблемы.

Конечно, то, как он поморщился, я не мог увидеть затылком. Скорее, понял по интонации, уловил в оттенках его голоса.

– Ясно, – опять кивнул я, забыв спросить: какие проблемы?

Небесный камень внутри машины ожил и слегка потянул ее вверх. Механическая птица негромко заскрипела сотней креплений и качнулась на лапах. словно вздохнула, пробуdivшись от глубокого сна.

Рычаг, прыжок, невесомость, секунда до падения и рывок – вперед и вверх.

Мику-ра был одним из немногих законников, которые испытывали по отношению к полетам нечто отличное от паники. Насколько я помню, он даже не вскрикивал во время прыжка. Боялся – да, но тщательно скрывал это. Воспринимал как неизбежное зло, которым приходится платить за удовольствие участвовать в большой политике. Той, которая простирается за пределы барьера Огненного острова.

Подобным хладнокровием могли похвастаться далеко не все. Полет с одним из старших законников однажды закончился через пару минут после своего начала: во время прыж-

ка он обмочил свой хартунг, и, конечно, мне не оставалось ничего другого, как вернуться обратно. Жарко дыша в шею, он взял с меня обещание никому не рассказывать об этом случае. Я и не рассказывал. Только сейчас написал об этом. Его звали Брук-ра. Просто невинная и запоздалая месть за испорченную ткань седла.

– Эй, не так быстро, – прокричал Мику-ра прямо мне в ухо, перекрикивая свист воздуха. – Нужно поговорить.

Покорно снижаю нагрузку на небесный камень и расправляю металлические крылья во всю ширину. Машина замедляется и планирует. Словно ложится на воздушные потоки своим тяжелым телом. Это, пожалуй, лучшее, что может испытать наездник: теряя скорость, энергию и мощь, птица дарит нечто более совершенное, ни с чем не сравнимое ощущение планирования.

– Слушаю тебя, – отвечаю нехотя, но на самом деле пользуюсь случаем ощутить *это*. Еще раз.

– Что ты там видел, а? Расскажи мне.

– Там? – переспросил я зачем-то.

– ТАМ – на Конструкте. Я знаю, ты летал туда вчера.

Я пожал плечами, насколько это позволяли ремни, накрест перекинутые через ключицы.

– Ты будешь разочарован.

– И все же. Речь не о Законе. Вопрос в том, почему это все случилось и что нам с этим делать дальше. Так что рас-

сказывай.

Нехотя я пересказал Мику-ра то, что на самом деле видел. Без деталей и подробностей, которые ему, похоже, и не были нужны. Упомянул о механической птице храмовников и о полном отсутствии людей на острове. В якобы мелькнувшее в окне башни лицо я, кажется, уже перестал верить и сам, так что упоминать о нем не стал.

– Сходится. Все сходится, – заключил законник. – В любом случае другого объяснения я не вижу.

– Что именно сходится? Ты о чем вообще?

– Ты не думал, что это могло быть делом рук Храма? – вдруг спросил он. Громко, неожиданно.

– Храма? – механически переспросил я и едва не рассмеялся. Вовремя понял, что это не шутка, а если и шутка, то несмешная. – Но... Как? Как это возможно?

Внезапный порыв ветра качнул птицу на левое крыло. Легко выравниваю ее небольшим поворотом хвоста.

– Не знаю, не знаю, как это возможно. Но если бы пару дней назад я бы сказал тебе, что один из островов опустится в Ничто, ты бы сказал то же самое: «Как это возможно?». И тем не менее это случилось. Способ есть, только мы его не знаем. Пока не знаем.

– А я не знаю, что тебе ответить, – только и озвучил я абсолютную истину.

– Похоже на правду, а? – настаивал Мику-ра.

– Не уверен теперь, что похоже на правду, а что нет. Я

просто не вижу... КАК это возможно. Там ведь, в сущности, не было ничего необычного.

– Думаешь, остров без единого живого человека, который опускается в Ничто, – это обычно?

– Ты понял, о чем я. Никаких следов... Намеренного воздействия.

– Может быть и так. Но из седла птицы можно увидеть не все? – мягко, но настойчиво отбросил он мои назревающие возражения.

– Думаю, больше, чем со скамьи в умме Закона, – зачем-то съязвил я в ответ.

Мику-ра только переспросил спокойно:

– Ты мог увидеть только часть того, что происходило, согласен? Только то, что на поверхности.

– Да, быть может. Но, если так... Зачем это Храму?

– Как раз это – точно на поверхности, – фыркнул Мику-ра. – Храмовники всегда видели в конструкторах потенциальную угрозу. Конструкторы презирали храмовников, храмовники ненавидели конструкторов... Так было всегда. Это равновесие выглядело хорошо только со стороны.

В последний солнечный цикл все только ухудшилось, и сдерживала их только мощь друг друга. Так почему же храмовники не могли уничтожить Конструкт, если бы у них появилась такая возможность? Да, это шокирует, но почему нет?

Не уверен, что этот вопрос был адресован мне лично, но

все же ответил:

– Знаешь, это слишком. Это ведь не политика, не неудобные результаты выборов, не торговое противостояние... Это – целый остров, который отправился напрямик к Началу. Не думаю, чтобы кто-то на это мог решиться. То есть... Я даже не могу представить, чтобы кто-то вообще решился на такое.

– Ты просто плохо знаешь храмовников, – мрачно и коротко произнес Мику-ра. – Я не могу утверждать, что все было именно так, но ощущаю, что это возможно. И знаешь, какой самый сильный аргумент в пользу этой версии?

– Какой?

– Другой версии просто нет. Если ты, конечно, не слишком проникся сказками о Вмешательстве.

– Я не думаю о Вмешательстве... – зачем-то начал оправдываться я, но тут же осекся. – Тот-ра, например, говорил что-то про «их выбор». Не знаю, что это значит, но у него, похоже, своя версия.

– С каких пор его интересует что-то за пределами Полу-круга? – иронично спросил Мику-ра.

Я хотел сказать что-то в защиту главного механика, но не нашел, что возразить, и промолчал.

– При других обстоятельствах я бы еще поверил в катастрофу. Несчастный случай невероятного прежде масштаба, – продолжил законник. – Но только в том случае, если бы то же самое произошло с остальными островами. Чем бы ни была сила, которая держит нас здесь, она – одна для всех.

– Да, наверное, ты прав, – согласился я.

– Все, что остается, – это чья-то воля. Выбор самих конструкторов мы не рассматриваем. В некотором смысле они безумны, но не настолько, чтобы исчезнуть из этого мира бесследно. Слишком честолюбивы для этого. Что же остается, кроме Храма?

Я промолчал. Версия Мику-ра звучала, пожалуй, еще более ужасно, чем теория катастрофы или Вмешательства, но и выглядела правдоподобно. Не с первого взгляда, наверное. Но чем дольше я о ней думал, тем больше находил ей подтверждений. Вспомнить хотя бы ту странную механическую птицу над Конструктом в день его падения...

Зеленый остров, который с воздуха напоминал круглое и невероятно потрепанное лоскутное одеяло, уже совсем рядом, но мысли мои были от него слишком далеко. Я искал веские доводы, которые бы сделали версию Мику-ра невозможной, но не находил их.

– Что же нам делать теперь? – спрашиваю.

– Ждать, я думаю. Смотреть, к чему все идет. Что же еще? Хотя, пожалуй, уже скоро кое-что нам расскажут наши зеленые друзья.

Я не спрашивал Мику-ра больше ни о чем, так как спрашивать было и нечего. Яркое пятно Зеленого острова приблизилось настолько, что можно было уже разглядеть стволы деревьев, диковинным образом переплетенных с уммами, и

отдельные фигуры людей. Я смотрел вперед и вниз невидящим взглядом, думал о том, что сказал законник, как вдруг с барьера Зеленого острова, до которого оставалось каких-то четыреста или пятьсот шагов, вниз сорвалось нечто странное и удивительное. Мелькнуло большое полотно размером с половину механической птицы или даже больше и что-то темное под ним.

Понадобилось несколько секунд, чтобы понять: это – человек. Он висел под тканевым куполом на ремнях или распорках – отсюда не разглядеть, а вся эта конструкция плавно опускалась вниз. Слишком быстро, чтобы я успел рассмотреть ее поближе, но достаточно медленно, чтобы спастись при падении. Если, конечно, забыть о том, что падать здесь просто некуда. Просто нырнуть в Ничто и исчезнуть навсегда.

В какой-то момент порыв ветра потащил наполненное воздухом полотно в сторону. Его край сплющился, а купол резко развернуло вокруг своей оси. Там, внизу, безумец судорожно перебирал ремнями. С моего седла он был похож на жука, который повис на конце стебелька и вот-вот упадет вниз. Почти наверняка упадет, но быстро перебирает лапками, пытаясь найти точку опоры.

Казалось, и этому конец. Конструкция готова спутаться, завалиться на бок и устремиться вниз, как летит в горшок для мусора скомканная рваная тряпка. Но нет. Купол расправился, а ремни по его бокам вытянулись в тугие струны.

Я с облегчением выдохнул, на секунду забыв о том, что способ падения в Ничто ничего не меняет. Исход один – возвращение к Началу.

– Что это было? – сказал я вслух.

– Ты о чем? – спросил Мику-ра, и я вдруг понял, что он не видел ничего из-за моей спины и массивного клюва птицы.

Я – единственный свидетель этого странного, странного падения. Очевидно, что это – самовозвращенец, но, возможно, самый удивительный самовозвращенец за всю историю Архипелага.

– Так... Ничего, – пробормотал я.

Я приподнялся в седле, насколько позволяли ремни, чтобы еще раз посмотреть вслед, но уже ничего не увидел. Человек вместе со своим куполом остался далеко внизу.

Посадка прошла почти безупречно. Ветер не мешал, и я точно спланировал к площадке, предназначенной для гостевых птиц. В последние секунды, когда удар о землю уже кажется неотвратимым, поднимаю нос, выбрасываю как можно дальше лапы птицы, на мгновение резко увеличиваю напряжение на небесном камне. В одной точке сходятся притяжение, которое влечет тяжелую металлическую машину вниз, мощь кристалла, преодолевающая это притяжение, и плотность воздушных потоков, на которые опиралась Ши-те своими широкими крыльями.

Птица мягко коснулась лапами поверхности, присела на

их пружинных опорах и замерла.

– Отлично, – сказал Мику-ра, спрыгнул с седла на землю и уже через несколько секунд исчез в проходе, уводящем с площадки куда-то вниз, в густую тень двух старых деревьев.

Все, что мне оставалось теперь – ждать. А ждать здесь, на Зеленом острове, было скучно. Скучнее, чем где-либо.

Площадку для гостевых птиц с трех сторон окружали грубые приземистые уммы из глиняных блоков. Их стены были низкими настолько, что, казалось, при желании можно заглянуть в помещение. Стоит только очень захотеть этого.

Единственное, что радовало глаз, – аккуратный сад с деревцами, такими же низкими, как и ближайшие уммы. В тенях их сплюснутых крон все еще можно было рассмотреть крупные оранжевые плоды – наверное, последние в этом солнечном цикле. Побороть желание подойти и сорвать один из них трудно. Мешали, пожалуй, только пристальные взгляды нескольких женщин – грубоватых и приземистых, как и все вокруг.

На этом острове – много еды. Действительно много. На просторных террасах колосились зерновые, в садах собирали фрукты, на небольших площадках, обложенных по краям необтесанными камнями, теснились корнеплоды. Говорят, раньше пищи было еще больше, но ветра делают свое: с каждым солнечным циклом плодородная почва истончается, обнажая бесполезные камни и глинистые отмели. Впрочем, даже сейчас продовольствия хватает, чтобы вывозить

его механическими птицами на половину островов Архипелага. Это могло бы сделать Зеленый остров успешным и зажиточным, если бы они не торговали так бестолково.

Бесценные для других сообществ Архипелага фрукты, тюки с зерном и корнеплоды они выменивали на яркие, но бесполезные механические игрушки для ограниченной группы высших служителей. Да и то – крайне невыгодно для себя. Большинство же жителей Зеленого острова живет скромно, ютится в небольших грубых уммах между широкими участками плодородной земли.

Смотреть здесь не на что, а соблазнительные оранжевые плоды под неусыпным взором несоблазнительных женщин делали ожидание еще более томительным.

У Мику-ра есть черта, которая считается для законников крайне нежелательной. Самые сильные его эмоции – на поверхности. Радость, злоба, гнев, одержимость идеями – страсти, которые легко преодолевают барьеры рассудка и находят отражение если не в его словах, то в выражении лица, взгляде, движениях.

Так и сейчас: стоило ему появиться в проеме между уммами, как я отчетливо понял – все плохо. Молча двигая скулами и бросая недобрые взгляды на ни в чем не провинившихся прохожих, Мику-ра взобрался в седло и всем своим видом показал, что готов лететь. А я и не возражал. Убраться из этого неприветливого места мне хотелось и самому.

Оставалось только подождать, пока двое служителей прикрепят на крюки под металлическим туловищем несколько тюков с зерном – первую небольшую часть обмена. Еще один из местных до сих пор устанавливал под Ши-те прыжковый механизм. Он возился с рычагами долго, невероятно долго и неумело.

Только уже в полете я решился расспросить Мику-ра о том, что же он услышал.

– В конце будущей луны здесь будет День голосования. Главным законником, вероятно, станет человек-из-храма. Некий Шале-ра из мистиков-унифициантов, – мрачно и нехотя рассказал он.

– Мне казалось, мистики никогда не были здесь в большинстве... Как и у нас, – удивился я.

– Да уж, мистиков не стало больше. Искренних мистиков – уж точно. Больше стало страха.

– Страх перед чем?

– Перед кем, – поправил Мику-ра. – Перед храмовниками, кем же еще. Хотя страх – не то слово. Большинству местных все равно, за кого голосовать, им просто хочется быть с тем, кто сильнее.

– Думаешь, страх на самом деле заставляет голосовать по-другому?

– Я называю это насильственное народовластие. Оно может быть хуже, чем отсутствие народовластия вообще. Ведь

один человек может взять на себя ответственность, если ситуация того требует. А вот безликое множество людей – нет. Все, что ему нужно, – избегать риска, каким бы путем для этого ни пришлось пойти.

– Но... В чем насилие, я не понимаю. Никакого насилия не было. Или я ошибаюсь?

– Пока не было. И, вероятно, не будет: люди Зеленого острова голосуют за человека-из-храма или на следующий день после голосования сюда прилетят храмовые птицы. Не знаю, что конкретно имеется в виду, но, думаю, ничего хорошего – уж точно. И им совсем не хочется проверять, что именно на уме у наездников-резидентов Храма.

– А что у них может быть на уме? – снова наивно удивился я.

– Ты бы хотел узнать это, если бы над тобой кружила механическая птица? Или проголосовал бы так, чтобы она убралась?

– Не знаю...

– А я знаю, – зло бросил Мику-ра.

Как обычно в таких случаях я хотел ответить еще более резко, но промолчал.

– Разве это не противоречит Закону? – сказал я спустя какое-то время.

– Нет. Ты сам наездник и как никто знаешь о том, что по Закону наездники руководствуются только своей волей и ничем иным. Даже наездники храмовых птиц. Формально они

не подчиняются Храму и делают то, что захотят. В любой момент Храм объявит, что не имеет на них никакого влияния, а то, что делают наездники – нехорошо, хоть и правильно по сути.

– Все так, как ты говорил... – то ли отметил, то ли спросил я.

– Да. Все так. Равновесия больше нет и не будет, как не будет Конструкта. Теперь самая влиятельная сила – это Храм. Сила, которая уже очень-очень долго не может найти себе применение и изнывает от желания наказать технократов. Наверное, они по-своему чтут Закон, но даже Закон позволяет диктовать свою волю другим островам, если трактовать его положения свободно.

– Другим островам? Думаешь, там похожая ситуация?

– Я пока не знаю точно, но почти наверняка. Возможно, на некоторых из них главными законниками уже стали люди-из-храма.

– И чем... это грозит нам? Нашему острову, – после некоторой паузы я выудил из вихря вопросов в своей голове тот, который сейчас казался самым важным.

– Если ты о Зеленом острове, то нет никакой уверенности, что они будут продолжать обмен с нами. А это значит, что могут возникнуть проблемы с пищей. В последние солнечные циклы мы слишком сильно увлеклись механикой и полностью доверяли поставкам зерна с Зеленого острова. Никто и подумать не мог, что уклад может когда-либо измениться.

Но еще важнее то, каким станет уже в ближайшие луны весь Архипелаг.

– А как насчет нашего острова? Нечто подобное ведь тоже может произойти?

– Может. Теперь может произойти все, что угодно.

– Но как...

– Я не знаю, – перебил меня Мику-ра. – Не знаю и не могу знать. Пока нам остается только ждать и наблюдать за тем, что происходит. Я уже говорил это.

– Ладно, – отвечаю я. – Ладно.

Остров за хвостом птицы превратился в зеленое пятно, смазанное полупрозрачной дымкой испарений. Мы летели домой, но ни я, ни, вероятно, Мику-ра не чувствовали радости. Мысли по поводу будущего нахлынули с новой силой. От них уже нельзя было спрятаться на просторах Огненного острова или даже в своей собственной умме.

5. Я, он, она

Луна за луной холодный солнечный цикл двигался к Самой длинной ночи. И теперь, проснувшись рано утром в своей умме, уже нельзя было увидеть лучи солнца на верхнем краю стены. Небо прямо над моей постелью – темно-фиолетовое, лишь чуть разбавленное зарей, которая зарождается над Ничто далеко на востоке.

Вокруг из мрака постепенно выплывают предметы и ве-

щи: кувшин для воды, пара хартунгов, подвешенных на стену, и главная моя ценность – невероятно старый деревянный ящик с резными узорами на поверхности. В свое время я не придумал ничего лучшего, чем хранить в нем всякую мелочь: тканые ремни, кое-какие инструменты, сухие мешочки для трав... Пока я смотрел, как мир вокруг становится материальным, а небо – синим, лиловым и, наконец, светло-ультрамариновым с розовым оттенком. Я понял, что сегодня должен увидеть Миа-ку.

Миа-ку. Даже странно, что я ничего не написал о ней раньше. Хотя что ж странного: начав свой рассказ с той воронки событий, в которую я попал, и которая, ускоряясь, двигалась к центру, сложно вдруг переключиться. Не так уж много возможностей поговорить о той моей жизни, которая не связана с механическими птицами. Но это не значит, что такой жизни нет. Напротив, слишком часто в седле своей Ши-те или просто лежа в постели под звездным небом я думал о Миа-ку.

Говорят, в древних таблицах на Библиотечном острове есть короткие истории о юношах, запертых в узких уммах с высокими гладкими стенами. Каждый день к каждому из них приходила одна и та же девушка. Она приносила кувшин воды и корзину с пищей, убирала умму и дарила узнику плотское наслаждение. И так продолжалось очень долго – луна за луной, цикл за циклом. Девушка становилась единственным смыслом жизни юноши, его надеждой и целью одновремен-

но.

Возможно, я просто не дослушал эту историю до конца, но я не знаю, зачем это было нужно. Трудно представить мир, в котором возможны такие странные и бессмысленные обычаи. Зато я хорошо запомнил то, как называется в этих таблицах чувство узника к своей женщине. Оно зовется «соломи», слово с непривычным ударением на первый слог. Соломи – то, что я испытываю к Миа-ку, хоть я и не ограничен в движении и имею возможность выбирать разных женщин для инициации новых жизней. Так, как делают абсолютно все мужчины Архипелага.

Наверное, стены внутренней уммы вокруг себя построил я сам.

Дождавшись, когда лучи солнца, перевалив через одну стену моей уммы, осветили треть противоположной стены, я отправился к Миа-ку. В этот день закатные ветра, казалось, достигли своей максимальной силы. Холодные сквозняки носились между уммами, трепали цветные ленты на арках и пробирали сквозь плотную ткань хартунга. Даже сам остров, сопротивляясь напору гигантских воздушных потоков, ощутимо вздрагивал под ногами.

Старик говорил, что однажды особенно сильные ветра заставили остров раскачиваться из стороны в сторону, как поплавок на воде. Может, это просто одна из тех сильно преувеличенных историй, которые он так любил рассказывать,

но сейчас от одной мысли об этом было не по себе.

Особенно пугали вибрации острова в эти дни – после того, как упал Конструкт. Трудно поверить в то, что каждый клочок суши на Архипелаге неподвижен и непоколебим. Так, как мы думали прежде. Теперь – трудно.

Женский род, к которому принадлежала Миа-ку, жил в умм-кане рядом с Площадью собраний. Как и любое другое жилище женского рода, эта группа умм была похожа на огромный бесформенный живой организм с множеством отростков, глаз и ртов. В нем узкие и высокие комнаты-колодцы со скошенными верхними краями стен переплетались с приземистыми кладовыми и широкими залами, где женщины собирались вместе за работой или отдыхом. Все это соединялось вместе бесчисленными арками, переходами и проходами, мостиками и детскими лазами, разобраться в которых могут только сами женщины, принадлежащие к этому роду. В самой середине этого нагромождения и была умма Миа-ку. Там, где она жила с Тами-ра – моей новой жизнью. Он появился всего пять солнечных циклов назад и сейчас носился по залам, как легкий ветерок, счастливый от своего дара ходить и понимать мир во всем его многообразии.

Старшие и тем более старейшие матери не любили видеть мужчин в умм-кане женского рода, хоть и мирились с неизбежностью их присутствия. В любом случае я старался избегать ненужных встреч и лишних взглядов. К счастью, в этот раз в общем зале никого не было, и я ловко скользнул в дет-

ский лаз у самого пола. Узкий проем, куда мог едва протиснуться взрослый человек, вел в «темный» проход с галереей арок. Одна из них и вела в умму Миа-ку... Ту самую умму, где мы инициировали новую жизнь, где мы провели вместе сотни солнечных шагов, о которых так приятно вспоминать ночью в своей постели под звездным небом. Дорогу сюда я бы нашел и наощупь.

– Мирами, Тиа-ра, – услышал я такой знакомый и близкий голос.

Казалось, Миа-ку ждала меня, хотя вряд ли это было возможно. В любом случае сейчас она выглядела еще более привлекательно, чем обычно, в своем лучшем хартабе с цветными узорами из выжимки летних трав. Как и всегда, было непонятно, на чем держится этот огромный платок с множеством складок, но я слишком хорошо знал секрет этого хартаба с единственным невидимым ремнем под грудью.

Уже через минуту волосы Миа-ку были связаны в узел, и это значило только то, что ее уши открыты для меня. Как и в последние несколько солнечных циклов. С того момента, как она впервые робко и застенчиво убрала ладонью волосы с правого виска, держа в своей руке мою руку.

– Мирами... – ответил я сейчас и коснулся губами мочки ее уха. Нежного, как первые цветы теплого полуцикла. С таким же легким пушком, как на их лепестках. Она показала, что мы продолжаем быть вместе, а я воспользовался этим шансом. Все так же, как и прежде. И это делало меня счаст-

ЛИВЫМ.

– Ждала тебя, Тиа-ра.

– Спешил к тебе, Миа-ку. Она всегда немного сердилась, когда я передразнивал ее манеру терять «я» и при каждой фразе повторять имя собеседника, но каждый раз не мог отказать себе в искушении. Только для того, чтобы в следующее мгновение еще раз коснуться ее уха, извиняясь.

Она немного помолчала и спросила:

– Стоит волноваться?

Вряд ли это касалось чего-то конкретного. Скорее – всего вообще. Всего, в чем мы сейчас находились.

– Нет, все хорошо, – ответил я.

Моего небогатого опыта в общении с женщинами хватало, чтобы понять: говорить о катастрофах им следовало в последнюю очередь. Не более, чем за секунду до того, как забросить на плечо и утащить в безопасное место.

– Хорошо... – сказала она, но, кажется, не поверила.

Миа-ку умна, а я совсем не умею обманывать.

– Ты знаешь, Конструкта больше нет. Но в жизни многих его как бы и не было... Кажется, ничем серьезным нам это не угрожает, – сгладил я собственную ложь.

– Хорошо, – снова ответила она. – Волновалась о тебе просто, Тиа-ра...

– Нет причин, – улыбнулся я и снова коснулся ее губами.

Миа-ку улыбнулась в ответ. Я почувствовал это по тому, как напряглась ее щека, касающаяся моей щеки. Ее кожа

– нежная, слегка бархатистая. Моя – жесткая, прокаленная солнцем, загрубевшая от встречного ветра. Мне иногда кажется, что одно только прикосновение – вот так щека к щеке – может доставить Миа-ку боль. Но не касаться ее не могу.

– С Тами-ра все хорошо? – спрашиваю у нее.

– Да. Да, хорошо все.

– Какой он сейчас?

– Он... Умный. Умный и взрослый. От этого даже страшно иногда, – сказала Миа-ку, чуть смутившись.

– Страшно? Что ж тут страшного? Ты должна гордиться им.

– Горжусь. Горжусь им, Тиа-ра. Просто... Раньше заботиться о нем легко было. Сложно, но легко. Понимаешь?

– Понимаю, – кивнул я.

– Он был МОЙ. Полностью мой, Тиа-ра. Теперь с ним проще, но сложнее. Он знает, чего хочет, куда хочет. Он уже не такой мой, как раньше.

– Понимаю, – еще раз говорю и искренне надеюсь, что понимаю.

– Наступит время, когда встретимся с ним в проходе. Улыбнется, кивнет и пойдет дальше. Перестанет быть моим совсем.

– Это будет нескоро, – касаюсь ее руки. – Он еще совсем новая жизнь.

– Может, и нескоро... А может, быстрее, чем мы думаем. Но чувствую это уже сейчас. Понимаешь, Тиа-ра? Важно не

то, что будет не моим, а то, что прямо сейчас он становится не моим. День за днем. Смотрю, как он становится взрослее и умнее, – чувствую это. И мне страшно.

Я не нашел, что ответить, и просто обнял Миа-ку за плечи. Не знаю, понимал ли я ее сейчас. Наверное, нет. У мужчин все иначе. Взросление мальчика – долгий-долгий путь от матери к отцу, но никак не наоборот.

Тихо. Нежно. Рассеянный свет и приглушенные звуки откуда-то из проходов и общих залов. Совсем рядом с аркой прошлепали по глиняному полу босые детские ноги. Не Тами-ра – какая-то другая новая жизнь.

Как и всегда, в умме Миа-ку пахло травами. Множеством разных трав в невероятных пропорциях и смешениях.

Было бы хорошо оставить все вот так. Выпить этот момент до дна и попрощаться. Но не выходит. Миа-ку – болезненно честная, а я пользуюсь этим неразумно.

В какой-то момент тишина наших объятий перестает быть умиротворенной. В ней появляются нотки напряжения и недосказанности. Я это чувствую очень хорошо, ведь так бывает нередко.

Все просто. Все просто и сложно одновременно: Миа-ку не хочет говорить того, что меня расстроит. Но чувствует, что должна. Она говорит. И жалеет о том, что сказала. А я жалею о том, что она жалеет. А потом я жалею себя. И боюсь, что в следующий раз не скажет.

И всего можно было бы избежать, если не заставлять ее быть болезненно честной. Ведь ей можно доверять, а значит, и спрашивать ни о чем не нужно. Но сдержаться трудно. Слишком трудно для меня.

– Что-то не так? – говорю я ей.

– Все хорошо, – отвечает она, и я понимаю, Миа-ку собирается рассказать то, что меня расстроит. Не хочет, но собирается.

– Расскажи.

Она молчит, а потом произносит совершенно бесполезную оговорку:

– Тиа-ра, ты ведь знаешь, что это не значит ничего?

– Просто расскажи, – снова прошу я.

– Он приходил ко мне снова.

Сердце рванулось куда-то в сторону, ударилось о стенку грудной клетки и сползло вниз.

– И что? – спрашиваю голосом подчеркнуто бесцветным.

– Ничего, – отвечает. – Говорили о чем-то. Потом он пошел к Старейшей.

– И что старейшая?

Миа-ку молчит. Потом произносит как-то слишком тяжело:

– Не знаю, сколько еще смогу отказываться от этой инициации. На меня смотрят, как на предателя женского рода нашего.

– Я не понимаю... Почему это сложно. Не понимаю.

– Тебе и не понять, – тихо произносит она.

– И что теперь? – спрашиваю чуть резче, чем следовало бы, и боюсь услышать ответ.

– Говорю же – ничего. Ничего не было и не будет. Просто мне тяжело.

– Думаю, мне не легче, – не знаю зачем, но жалею себя. Говорю не то, что должен.

– Понимаю тебя, но... Это другое. Совсем другое, – начинает говорить Миа-ку и говорит долго. – Откуда тебе знать о том... что жизнь женщины – это цепочка инициаций от разных мужчин? И чем длиннее эта цепочка, тем правильнее... жизнь женщины. Моя жизнь. Это устраивает всех. Устраивает женщин и больше всего устраивает мужчин. Больше всего именно мужчин, да, – ее голос становится громче, обретает силу и энергию. – Это устраивает всех, кроме женщины, которая хочет эту цепочку оборвать и быть с одним мужчиной. Устраивает всех, кроме меня.

– Но ведь...

– Но ведь и ты в таком же положении, Тиа-ра? – перебивает она меня. – Нет... ты не в том же положении. Ты сможешь спокойно жить и делать новые инициации. Никому дела нет до твоих инициаций. Потом, позже. А я останусь... Непонятой, нераскрытой, неполноценной. Понимаешь, как это?

– Не знаю, – отвечаю. – Не знаю. Быть может, ты преувеличиваешь.

– Тебе лучше уйти, – говорит и поднимается на ноги.

Быстрым движением развязывает узел на затылке, и волосы послушно ложатся на плечи. Одна прядь падает на лицо.

– Подожди...

Чувствую, что должен был сказать что-то другое. То, что не заставило бы ее жалеть о своей искренности. То, что помогло бы ей. И, может, еще не поздно, но Миа-ку снова проносит:

– Пожалуйста, уйди.

Я подавлен, разбит. Жалею о том, что она жалеет. А потом жалею себя. И боюсь, что в следующий раз не скажет.

Вернуться? Не пойти к ней снова прямо сейчас тяжело, но я точно знаю: если пойти, то будет еще тяжелее. Это говорят во мне остатки здравого смысла, и, к счастью, они же побеждают.

Стою посреди Площади и думаю: кто же все-таки виноват? Я сам слишком слабый, чтобы довериться ей полностью? Все общество, которое свело нас вместе, но, сделав это, пытается отправить своими дорогами? Сама Миа-ку?

Или, может, он, так настойчиво добивающийся инициации с ней?

Он. Мику-ра.

6. Хорошая попытка

На Огненном острове сегодня Оту-мару – день голосования. Вряд ли кто-то здесь ожидает серьезных изменений, но

все рады этому дню: народное единение на Площади вселяет уверенность в то, что любые трудности не так уж существенны, а страхи – преувеличены.

За последние две луны катастрофа Конструкта не забылась, но стала частью новой реальности Архипелага. Падение острова не поняли, но приняли, смирились и учились жить в изменившемся мире. Теперь в центре внимания оказались события, происходящие значительно ближе – на Зеленом острове, история и быт которого всегда были тесно связаны с нашей историей и нашим бытом. Два дня назад впервые за много солнечных циклов (а, может, и вовсе впервые) главным законником там стал человек-из-храма.

А уже вчера мы узнали, что законники Зеленого острова временно отказывают нам в добрососедских визитах и обмене. Трудно было сказать сейчас, что может значить это самое «временно», но последствия налицо: мы не сможем получать зерно и плоды в обмен на огненный песок и механизмы.

Будущее становилось все более неясным. И дело не только в пище с Зеленого острова (которая, конечно, была нам очень нужна). Среди людей росло чувство усиливающейся изоляции и тревога перед новой, пока неясной и неопределенной, но оттого еще более гнетущей угрозой.

На Площади становилось тесно. Прогуливаясь по краю открытого пространства, я видел, как около трибуны собираются наиболее влиятельные и многочисленные женские роды

во главе со старейшими матерями в богатых, ярких и поистине безразмерных хартабах. За их спинами толпились или просто рассаживались на земле старшие и молодые матери.

В одной из таких групп я нашел глазами Миа-ку. На мгновение мы встретились взглядами. С распущенными, падающими на лоб и плечи волосами она выглядела совсем иначе, но это была все та же Миа-ку – моя Миа-ку.

Я улыбнулся ей, но она не ответила. Отвела взгляд куда-то в сторону.

Меньшими компаниями или поодиночке на Площади собирались мужчины – рудокопы, механики, законники, служители и все остальные, – все, кто прошел Испытание. Кроме наездников, разумеется. В день голосования нам надлежало оставаться в своих умах. Впрочем, в действительности это правило не имело никакой назидательной силы. И хоть наездники не могли голосовать, многие из них, подобно мне, пользовались случаем пообщаться, обменяться новостями, да и просто отвлечься от обычных дел.

Как раз в тот момент, когда я снова пытался поймать взгляд Миа-ку с новой точки на Площади, металлический звон предвестил выход на трибуну Моту-ра в окружении нескольких спутников. Один из них – высокий и подтянутый молодой законник в дорогом хартунге из темной, почти черной ткани невольно привлекал внимание. Прежде всего – внимание молодых и будущих матерей из женских родов.

Конечно, это был Мику-ра.

Толпа на Площади постепенно затихла, и те, кто до сих пор оставался на ногах, поспешили найти себе свободное место. Дождавшись тишины, Моту-ра начал говорить.

Ничего такого, что не было бы похоже на любой другой день голосования, – обычные обязательные фразы о единстве в свободе выбора и свободе выбора для единства. Его слова разносились по открытому пространству, отражались от стен ближайших умм и терялись где-то в арках между ними.

– ...Ваше решение – ваша воля и ваши мысли. Каждое из них заслуживает быть услышанным, и мы, как и наши предки, равно, как и наши потомки, верили, верим и будем верить в правильность свободного выбора большинства.

Моту-ра сделал небольшую паузу, после которой продолжил:

– Для тех, кто собирается проголосовать впервые или сомневается в своем праве, я напоминаю: в соответствии с Законом объявить свой голос может всякий мужчина, который прошел Испытание, и всякая женщина, которая стала матерью. Это правило не распространяется на наездников, гостей с других островов и тех, кто решением большинства лишен права голоса.

– Итак, сегодня двенадцатый день четвертой луны холодного солнечного полудикла. И я, нынешний главный законник Огненного острова, объявляю день голосования. В этот день каждый может претендовать на титул, пока принадле-

жащий мне, и имеет право быть избранным волей большинства.

После этой фразы, которая традиционно означала начало выдвижения кандидатов, Моту-ра сообщил о решении снова предложить себя на этот пост. По закону действующий главный законник не имел права на речь о себе («*Пусть обо мне говорят дела, а слова оставим тем, кто хочет прийти после*»), так что все, что ему оставалось, – призвать других кандидатов сообщить о своем намерении.

Как и следовало ожидать, на трибуне тут же появился извечный противник действующего главного законника Кимму-ра, который, впрочем, так ни разу и не занял желаемого места. Каждый раз за него голосовал только его собственный женский род и немногочисленные сторонники из числа рудокопов. Несмотря на некоторое снижение популярности Моту-ра в последние пару лун, шансы его оппонента и сейчас были невелики. Единственное, что заслуживало внимания, – это упорство, достойное лучшего применения.

Оказавшись на трибуне, этот немолодой уже человек громко, но довольно сбивчиво говорил о необходимости действовать и критиковал повальное увлечение механикой. И первая, и вторая мысли были близки многим, но в конце речи так и не было понятно, в чем должно заключаться действие и на что следует направить усилия вместо механики. Вряд ли он и сам понимал это отчетливо.

В том, что происходило сейчас на трибуне и перед ней, не

было ничего странного и необычного. Более того, этот порядок слов и событий, повторяющийся уже много дней голосования подряд, именно сейчас действовал умиротворяющее. Убаюканные строгой последовательностью предсказуемых действий, многие из нас чувствовали себя лучше и уверенней.

В такой момент легко поверить, что подобным образом день голосования произойдет еще через две луны. А потом – еще через две. Люди будут снова и снова критиковать, но выбирать Моту-ра и подсмеиваться над его вечным оппонентом. А потом еще через много лун их внимание, наверное, привлечет другой законник – более убедительный, энергичный и молодой. Может, им даже станет Мику-ра.

Жители Огненного острова выберут нового главного законника, что-то изменится, но не изменится главное: даже тогда, когда Огненный остров будет принадлежать нынешним новым жизням, а потом – их новым жизням, люди будут пользоваться свободным выбором, а Закон продолжит работать, как хорошо настроенный и смазанный механизм.

...И именно в ту секунду, когда я думал об этом, кое-кто уже поднялся на ноги, а один из младших законников пошел включать машину для голосования, предсказуемый порядок вещей исчез. Просто растворился в воздухе, уничтоженный негромким голосом откуда-то с закатного края Площади.

– Я желаю претендовать, – сказал некто.

От неожиданности Моту-ра, который уже отвлекся на раз-

говор с кем-то из своих помощников, даже не понял, что произошло. Он растерянно повел головой, пытаясь найти в толпе источник голоса.

– Я желаю претендовать на титул главного законника, – прозвучал он снова с той же громкостью и интонацией. И теперь его услышал уже каждый, кто был на Площади.

И я вспомнил. Вспомнил этот голос. Слышал его лишь однажды, но сохранил в памяти: такой чеканящий, ровный такт трудно перепутать с любой другой интонацией. Это – Тик-ра, странноватый, нелюдимый служитель, который недавно так уверенно и, надо признать, довольно убедительно говорил о Вмешательстве. Но почему он решил занять место по другую сторону от машины для голосования вместо того, чтобы просто в нужный момент нажать один из двух рычагов?

– Да, это ваше право и ваша воля, – быстро нашелся Моту-ра. – Прошу пройти на трибуну и обратиться к жителям.

Ни быстрее и ни медленнее, чем это было бы уместно, Тик-ра проследовал на возвышение, остановившись у голос-машины. Остановился и... на несколько мгновений замер. Просто застыл, глядя куда-то над головами сидящих на Площади людей.

Было все также тихо, и когда Тик-ра произнес первую фразу из своей исторической речи, ее услышал и попробовал на вкус каждый, кто присутствовал здесь. Эта фраза – «Я есть человек-из-храма». Ни больше и ни меньше.

– Я говорю это для того, чтобы догадок, слухов и заблуж-

дений не было в умах ваших: я есть человек-из-храма. Я прошел посвящение восемь лун назад. На нашем острове не так уж мало искренних мистиков, которые могли бы приобщиться к Храму, но я стал первым человеком-из-храма здесь, и тому была воля моя, стремления мои и сознательный выбор мой, – на несколько мгновений Тик-ра замолчал, а потом продолжил, не меняя интонации и громкости своего голоса.

– Кто-то из вас может сказать, что служение Храму не позволит мне служить Огненному острову, но я убежден, что это есть суть одно. Я знаю это потому, что с самого начала новой жизни своей я был здесь, рядом с каждым из вас, хоть большинство из вас и не знали о существовании моем. Я видел, как начиналась эпоха небесных камней, я видел, как менялись жизни наши и взгляды наши.

Я вдруг подумал, что Тик-ра мог быть намного старше, чем можно было представить. Трудно сказать, помнит ли он начало эпохи небесных камней на самом деле, но если это правда, то ему, должно быть, не меньше тридцати пяти солнечных циклов от роду.

Дальнейшее развитие речи, по сути, стало пересказом выступления Тик-ра несколькими днями ранее на этой же Площади. Но если тогда его услышали десятки людей, то теперь – тысячи. Все, кто имел право голоса.

Наверное, и в этот раз он бы договорил так же эффектно и под аккомпанемент всеобщего молчания покинул трибуну. Так могло бы быть, если б его слова были единствен-

ными, заслуживающими внимания. К сожалению, а может к счастью, но их заменили доводы более материальные. И еще менее двусмысленные.

– Смотрите! Смотрите! – раздался крик с другой стороны Площади. Он расколочил молчание толпы и на пару мгновений заглушил голос Тик-ра. Вздвогнув от неожиданности, я рефлексивно посмотрел в ту сторону, откуда прозвучал возглас, но, конечно, не увидел его источника.

Некоторые из стоящих на Площади людей, зачарованные угрожающими словами Тик-ра, никак не отреагировали на крик, но многие оборачивались, что-то восклицали, усиливая и усиливая гомон толпы, показывали пальцами в сторону заката.

Я повернул голову и все понял. Невысоко над уммами по направлению к Площади летела храмовая птица, постепенно поднимаясь выше. Все жители Огненного острова были здесь, рядом, и некому было звонить на сигнальной башне, призывая наездника отвернуть. Да он бы и не отвернул.

Темный силуэт на фоне уходящего солнца быстро увеличивался, и я уже мог хорошо рассмотреть очертания Камо-те.

– ...Приобщение к Храму не уничтожает то, чем живет Огненный остров, традиций наших и уклада нашего. Но только вместе с Храмом мы получим шанс спасти Архипелаг для будущих новых жизней ... – продолжал говорить Тик-ра, словно не замечая птицу над головами людей. Но теперь его

слова смешивались с хором множества голосов и терялись среди них. Мало кто теперь слышал их и, уж тем более, мало кто понимал.

На небольшой скорости Камо-те пролетела над толпой, расправив, насколько это было возможно, свои короткие, острые крылья. Кто-то смотрел на нее с ужасом, кто-то – с благоговением, а я... жадно рассматривал ее тело, фигуру наездника, каждую черту корпуса и оперения.

С такого расстояния очевидно: она меньше, чем Ши-те. Разница в размерах была, пожалуй, лишь одним из отличий, но не самым значимым из них. С первого взгляда храмовая птица, казалось, вообще плохо подходила для полета. Любой, кто хоть немного разбирался в воздухоплавании, обратил бы внимание на мощный клюв, который смещал центр тяжести к носу, на массивные лапы, слишком громоздкие для птицы такого размера, на прочное, но малоподвижное оперение, которое практически не позволяло парить. В том, как Камо-те неслась к своей цели, не было ничего от грациозности и изящества, с которыми скользила по воздуху моя Ши-те. Наконец на храмовой птице было всего одно седло, и на ней уж точно негде было укрепить хотя бы пару небольших узлов с грузами.

Но ей это и не было нужно. Создателей машины, очевидно, мало интересовало изящество и элегантность линий, возможность возить товары и пассажиров, а также многое и многое другое, важное для прочих механических птиц. Пе-

ред ней стояла другая задача.

Быстрая, легкая, подвижная и опасная Камо-те призвана стать вестником Храма там, где Храм еще не был единственным укладом жизни. Вызывая страх или уважение, ощущение угрозы или предчувствие изменений, эта машина несла известие о силе Храма по Архипелагу. И у нее это получалось как нельзя лучше. Глядя на то, как, падая на крыло, Камо-то под наездником описывает невероятный поворот в воздухе и едва ли не отвесно взмывает вверх, я не мог не признать этого.

Завершив впечатляющую петлю в небе над толпой жителей Огненного острова, храмовая птица летит в сторону заката. Домой.

– ...И именно я готов быть проводником жителей Огненного острова к Храму и спасению в роли главного законника в момент, когда каждый из нас больше всего в этом нуждается, – снова слышу я слова Тик-ра, которыми он и заканчивает свою речь. Кто-то слушает его внимательно, как никогда, и жадно ловит каждое слово, а кто-то провожает взглядом храмовую птицу или уже шумно обсуждает происходящее.

Не знаю, было ли запланировано появление Камо-те именно в этот момент или все произошло случайно, но большая часть речи последнего претендента оказалась смазанной и не дошла до ушей большинства присутствующих. И именно по вине тех, чью волю он отстаивал на нашем острове.

Впрочем, можно не сомневаться: сегодня вечером и в

течение нескольких последующих дней все будут говорить только об этом, пересказывать слова Тик-ра и искать тайные смыслы там, где их, возможно, и нет. Слишком красноречивой была храмовая птица над островом. Красноречивой и угрожающей.

Чуда не произошло. Моту-ра набрал больше семи из десяти возможных голосов и снова стал главным законником Огненного острова. В пользу Тик-ра рычаг машины для голосования был нажат всего двадцать семь раз. Это даже меньше, чем насчитывал его собственный женский род, хотя они обычно единогласно высказываются за новые жизни, ими порожденные. В чем бы ни заключались идеи этих кандидатов.

Как оказалось, даже эта неудача не смогла нарушить точно выверенный ход слов, поступков и движений Тик-ра. После того, как объявили результаты, ни один мускул не дрогнул на его лице. Он лишь закрыл шею отворотом хартунга, сошел с трибуны и растворился среди людей.

Это – не конец его политической карьеры. Скорее, только начало.

7. Безопасное место

Через пару дней на остров прилетел Бхад-ра. И прилетел так, как никто прежде – прошел по тонкой грани вечности и небытия.

Первый удар с сигнальной башни был ленивым и буднич-

ным. Именно таким, каким приветствуют странников. Они прилетают, выменивают свои скудные товары с других островов на воду, пищу и местные товары, ремонтируют свои потрепанные жизнью машины и улетают куда-то еще. Двигаются по бесконечному кругу странствий, гадая, что откажет первым: механическая птица или их собственная физическая оболочка.

Второй удар был более громким. Более ясным. А сразу после него – тревожный сдвоенный сигнал, который призывал отклониться от курса на остров. Впрочем, для наездника он не имел никакого значения. Все, что ему было нужно – добраться до края, ведь на хвосте его машины буквально повисла Камо-те.

Механическая птица Бхад-ра не лишена изящества. Ее узкое туловище плавно расширялось в широкое хвостовое оперение, а не сворачиваемые треугольные крылья, казалось, двигались отдельно от птицы. Несколько тяг, которые связывали крылья с корпусом, издали были почти что не видны.

Впрочем, изящество – единственное, что эта машина могла противопоставить храмовой птице. Прямо сейчас ей отчаянно не хватало скорости и маневренности. С каждым виражом она заметно замедлялась, а оторваться от Камо-те на прямой и вовсе не имела шансов.

Вправо и влево, вверх и вниз, неожиданный рывок в сторону, из-за которого храмовник неосторожно вырывался вперед, а потом – разворот и снова к острову. В таком неле-

пом танце две машины приближались – виток за витком, пока не оказались прямо над Утесом, с которого один за другим следовали двойные сигналы. Этот тревожный звон разносился по острову и терялся эхом в каменных проходах.

Бхад-ра прижался к земле и заложил крутой разворот – почти что на месте. Но храмовник предугадал этот маневр и пошел прямо на него – сверху вниз. Еще немного – и все закончится. Сложенные крылья и мощный клюв не оставят беглецу шансов, как нет шансов у жестяной банки, на которую опускается молот.

Бхад-ра повезло. В последний момент наездник Камо-те отвернул. Очевидно, побоялся по инерции столкнуться с землей после тарана. И пока он делал небольшой круг над ближайшим умм-каном, чтобы атаковать с более удобной позиции, другая машина уже была на земле. Не выбирая места и времени, Бхад-ра с ходу сел на ближайшую каменистую площадку, приведя в ужас игравших на ней новых жителей. Они бросились врассыпную с оглушительным визгом, который затих лишь спустя минуту – где-то в глубине ближайшего умм-кана, в уютных хартабах матерей.

Словно раздумывая, как поступить, храмовый наездник сделал еще один круг и, когда ничего больше не оставалось, покинул проекцию острова. Улетел на закат – туда, откуда и появился.

– Имя мое – Бхад-ра, – говорит наездник.

Он – совсем молодой, стройный, прямой, как каменный столб на Площади. Лицо чистое, умное. Портит его, пожалуй, только жиденьякая русая борода, завязанная на уровне шеи в забавный узел. Забавный именно от количества волос, связанных вместе. Кажется, я мог бы сосчитать их за минуту.

– Понятно, – отвечаю, забыв представиться в ответ.

Все мое внимание поглощено стрелой, застрявшей в теле механической птицы чуть позади второго седла. Зазубренное острие ушло глубоко в корпус машины, оставив торчащим снаружи только древко – массивный металлический прут с квадратным сечением. Общая длина такой стрелы – не меньше двух шагов. Настоящая удача, что она не попала в наездника и не повредила важные механизмы внутри птицы.

– Он? – спросил я, неопределенно махнув головой в сторону заката.

– Он, – кивает Бхад-ра.

– Ясно, – зачем-то говорю. – Ясно.

Хотя совсем ничего не ясно.

– Меня зовут Тиа-ра, – наконец-то представляюсь. – Тоже наездник.

– Знаю о тебе, – отвечает Бхад-ра. – Имя твое летит впереди птицы твоей.

Я, кажется, даже покраснел. То ли от внезапного смущения, то ли от удовольствия.

– Откуда ты? – спрашиваю вместо благодарности.

– С Зеленого острова.

– Хм, ясно, – рассеянно отвечаю. – Как там сейчас?

– Не описать в двух словах, пожалуй. Видишь сам...

– Да, и то верно.

Я вдруг понимаю, что он, Бхад-ра, еще несколько минут назад был в шаге, в половине шага от того, чтобы вернуться к Началу. Жестоко, мучительно. А мы разговариваем с ним, как два случайных попутчика, которые коротают время за непринужденной беседой.

– Тебе очень повезло.

– Да, это так, – спокойно отвечает Бхад-ра.

– Почему они хотели сделать это с тобой? – спрашиваю, махнув рукой то ли в сторону стрелы, то ли в направлении заката.

– Я хотел присоединиться к вам. А эти... Откуда-то узнали об этом. Наверное, болтал много. Узнали и очень не хотели, чтобы так было.

– К НАМ? – с нажимом переспрашиваю. – К нам – это к кому?

– Как же... К народу Огненного острова.

– Ты же знаешь, ни к какому народу ты не можешь присоединиться по определению. Мы – наездники. Неважно, где ты пустил корни. В конце концов, ты принадлежишь только себе.

Металл стрелы темный, не слишком чистый. Но грани – точные, ровные, со следами хорошей машинной обработки. Говорю с Бхад-ра и продолжаю рассматривать ЭТО. Стран-

ное, чужеродное.

– Наездники уже не могут оставаться в стороне, – прозвучало почти над самым ухом.

От слов Бхад-ра повеяло холодом.

– В стороне от чего? – осторожно переспросил я.

– Как это чего? От... Всего. От всего этого. Того, что происходит.

– Я не совсем понимаю, о чем ты, – сказал я. – Но, так или иначе... Почему к «нам»? Почему ты прилетел сюда?

– Куда же еще? – пожал плечами Бхад-ра. – Единственное место, где можно укрыться от Храма. Пока что.

– Я думал, таких мест много...

– Таких мест скоро не будет, – веско произнес Бхад-ра. – И не уверен, что оно будет тут. Но пока что... Здесь безопаснее.

Мы не успели договорить. Запыхавшись от быстрой ходьбы, но пытаясь сохранить суровый вид, на площадке появились два немолодых законника. Кажется, Бхад-ра предстоит им многое объяснить. Например, почему он не отреагировал на сигнал с башни.

Стрела в спину – не повод нарушать Закон. Уверен, законники думали именно так.

А что думал я? И думал ли вообще? Мог ли предположить то, что случится потом?

Вряд ли. Но чувствовал надвигающиеся неприятности нутром – это уж точно.

– Ну что, Летун? – проскрипело из вечернего полумрака совсем рядом с моей уммой.

От неожиданности я даже вздрогнул. Слишком углубился в свои мысли и не сразу понял, кто говорит и откуда.

– Помню, одна молодая мать вот также трепетала каждый раз, когда я пересекался с ней в умм-кане, – нараспев проговорил Старик, восседая на привычной нашей скамье.

– Я не «трепетал», – говорю. – Просто ты напугал меня.

– ...А пересекался я с ней часто. Раз семь за день. Ну, ладно, бывало и десять, – продолжил он, не замечая моих слов. – И каждый раз трепетала. Вздрагивала, как хартунг на ветру. Знаешь, когда сохнет в проходе, с него вода капает и...

– Понял, понял, – усмехнулся я. – Живописные сравнения – не твое достоинство.

– Тянуло ее ко мне. Трепетала при каждой встрече. Вот как ты сейчас.

– Я не трепетал! Ладно. Неважно, – махнул я рукой. – Как же ты мог пересекаться с ней десять раз в день? Делал какую-то работу в умм-кане ее женского рода?

– Работу? А, нет. Зачем же? Просто ходил туда-сюда.

– То есть ты ее караулил?

– Знаешь, красивый этот умм-кан, почему бы и не погулять. Лоза на стенах, цветы, скамьи в укромных местах. Красота!

Старик мечтательно улыбнулся своим воспоминаниям. В

такие моменты глубокие тени морщин на его лице почти что разглаживались, и он выглядел моложе.

– Как тебя не выгнали старшие матери? – снова усмехнулся я.

– Может, они надеялись, что я караулю именно их? – то ли спросил, то ли ответил он.

– Ага, так ты все-таки следил за ней!

– Ни в коем случае, – почти обиделся Старик. Если представить, что он умеет обижаться.

– Ну, ладно, ты просто гулял и десять раз в день случайно пересекался с этой женщиной. И что было потом?

– Инициация, что ж еще, – хитро улыбнулся Старик. – О чем ты говоришь, она хотела этого сразу! Трепетала так, как вот ты сейчас!

– Я не... А, ладно. Послушай, я расскажу тебе секрет.

– Секрет? – доверчиво подался вперед Старик. К секретам он питал особую слабость.

– Да, именно. Так вот: она, эта женщина, не то, чтобы сильно хотела этого... Просто поняла, что другого способа от тебя отвязаться не существует, – рассмеялся я.

– Э, что ты знаешь о женщинах! – проскрежетал Старик. Потом с наигранным усилием поднялся, чтобы отправиться наконец в свою умму.

– Послушай, – в моем сознании вдруг возник вопрос.

Я попытался от него отмахнуться, но безуспешно. Как муха, которая вдруг обнаружила что-то сладкое и опасное од-

новременно, этот вопрос кружил в моей голове, пока не сорвался с языка:

– У тебя были новые жизни?

Я боялся, что Старика оскорбит такой вопрос – совершенно бестактный для любого жителя Архипелага. Особенно с учетом того, что на его предплечье не было ни одной красной ленты. Но Старик не обиделся, просто обернулся и ответил, как ни в чем не бывало:

– Была, как же.

– Одна?

– Одна, зачем мне больше? – говорит так, словно речь идет о какой-то вещи.

– Ты ее знаешь? – не унимаюсь.

– Женщину? Конечно, говорю же, виделись мы часто...

– При чем тут женщина? Твоя новая жизнь. Знаешь ее?

– А, ну да, знаю, как же.

– И кто она?

– Я сам.

– Ты и есть твоя новая жизнь?

– Ну да, очень удобно, не находишь? – нараспев ответил он вопросом на вопрос и пошагал дальше, скрывшись в арке собственной уммы.

«Совсем выжил из ума», – подумал я и покачал головой. Почему-то представил Старика, который держит на руках другого старика, только совсем маленького – уменьшенную

в несколько раз свою копию.

– Совсем выжил из ума, – сказал я уже вслух.

8. Моя новая жизнь

Утром у ближайшего к моей умме конденсатора людно. Пряча жажду под маской неспешности, женщины и мужчины подходили к стоку с чистой водой. Случайные блики от металлических сосудов в их руках слепят и заставляют жмуриться. Моя очередь почти подошла, но от этого пить хотелось еще сильнее. Пить хотелось невыносимо.

Моя старшая мать когда-то сказала в напутствие: «Тиара, ты можешь удивить нас когда-нибудь, но прошу тебя, не забывай кушать». Кушать я все-таки не забывал, но в главном она была права: достигнув зрелости и покинув женский род, я оказался совершенно неприспособленным к быту. И, по большому счету, не смог приспособиться до сих пор. Заранее запастись водой на утро – выше моих возможностей. Прийти к конденсатору пораньше, чтобы не стоять в очереди и не сливать остатки воды по капле – без шансов.

Впрочем, за сегодняшнее опоздание я был вознагражден. Уже направляясь к своей умме лишь с наполовину наполненным сосудом для воды, встретил Тами-ра – мою новую жизнь.

– Подожди... – говорю ему. – Спешешь куда-то?

Он почти всегда куда-то спешил, как и большинство новых жизней его возраста. Даже если спешить было решитель-

но некуда. Но в этот раз – просто пожал одним плечом, чуть смущаясь. Взглядом то блуждает по верхнему краю ближайших стен, то вдруг рассматривает что-то под ногами, будто там было, что рассматривать.

– Прогуляешься со мной? – спрашиваю его.

– Прогуляешься, – говорит, снова пожимая правым плечом.

Пока неустойчивый эфир детского желания не испарился окончательно, я быстро, как только мог, сходил в умму, чтобы отнести воду. Попил только на ходу, прямо из горлышка металлического сосуда. К счастью, когда я вернулся, Тами-ра был на том же месте. Почти что чудо.

– Пройдемся у барьера? – спросил его, зная, что матери запрещают новым жизням к этому самому барьеру приближаться. А уж заглянуть за него, посмотреть в Ничто сверху вниз – верх мечтаний. Особый повод для гордости и хвастовства.

В больших и подвижных глазах сверкнули искорки интереса. Того самого интереса, который может вызвать у новых жизней только нечто запретное.

Мы пошли рядом. Я и он. Босые ноги касались камней почти неслышно – так, словно он скользил по воздуху, только из вежливости перебирая ногами.

В росте Тами-ра немного отставал от сверстников и едва достигал моего поясного ремня. Идя рядом, я не мог разглядеть его лица. Только всклокоченная шапка темных, как у

Миа-ку, волос и полы темно-зеленого хартунга, в которые он часто прятал худые, но невероятно цепкие руки.

– Ты – наездник? – сильно коверкая слово «наездник», вдруг спросил Тами-ра.

– Да, так и есть, – киваю.

– Летаешь?

– Да, летаю на птице. Нечасто, но это случается.

– Я видел меха... механч...

– Ты видел птицу?

– Я видел птицу, да.

– Может быть, это я пролетал над островом. Может быть, ты видел меня.

Тами-ра ничего не ответил, но было видно, что он напряженно думает о чем-то. Некоторое время мы шли молча.

– Птица слушает наездника? – решил уточнить он несколько позже.

– Да, наездник управляет птицей.

– Управляет?

– Да... Я имею в виду, что наездник решает, куда и как должна лететь машина: вверх или вниз, направо или налево, быстрее или медленнее.

– Куда угодно летит?

– Почти куда угодно. Понимаешь, я не могу полностью остановить птицу: она должна все время двигаться вперед, пока не сядет на землю. Боюсь, я сейчас не смогу тебе объяснить, почему так... Просто не могу и все. Никто не может.

Но наездник все равно может долететь туда, куда ему нужно, хоть это и не очень легко.

– Я хочу быть наездником. Потом, – после короткого раздумья объявил Тами-ра.

– Вряд ли твои матери это одобряют, – улыбнулся я, но где-то внутри ощутил неясный прилив тепла.

– Почему?

– Ну, знаешь... Быть наездником опасно. И не всегда престижно.

– Прести...

– Неважно, – осекся я. – Просто это опасно, понимаешь? Твои матери не хотят, чтобы с тобой что-то случилось... когда-нибудь.

– Старейшая-ма говорит наоборот.

– Наоборот?! – искренне удивился я. Не припомню кого-то, кто презирает наездников сильнее, чем она.

– Да. Говорит: «Бестолковый, словно наездник. Одна твоя дорога», – безо всякого выражения сказал Тами-ра, снова пожав плечом.

– А, понятно, – спокойно ответил я, пытаюсь не злиться. – Не слушай, ты не бестолковый. И обязательно будешь наездником, если не передумаешь. Если захочешь, я даже возьму тебя с собой полетать. Позже, когда станешь немного старше. И тогда ты сможешь точно решить, хочешь ли ты стать наездником. Договорились?

– Да, я хочу полетать с тобой. Но я точно решил стать на-

ездником.

– Правда? Ты решил сегодня или еще раньше?

Тами-ра просто зашагал чуть быстрее и ничего не ответил. Часто бывало, что прямо в середине разговора он просто преклЮчался, оказывался в мыслях где-то очень далеко в то время, пока ты сам еще оставался здесь. Сердиться на это – глупо. Слишком уж велик и многообразен этот мир, когда ты – новая жизнь. Намного интереснее замечать, как с каждым разом мысли Тами-ра становились глубже, а слова – точнее.

– Почему ты приходишь ко мне? – неожиданно спросил Тами-ра. Настолько неожиданно, что я даже не нашелся, что ответить, и просто механически переспросил:

– Почему я прихожу к тебе?

– Почему?

– Что ты имеешь в виду? Зачем я пришел сегодня? Или вообще?

– Другие младшие не говорят с... с такими, как ты. Из старших только матери говорят, – объяснил он свой вопрос как мог и как умел.

– Ты имеешь ввиду мужчин, верно? К твоим товарищам они не приходят?

– Да. Почему ТЫ приходишь?

– Понимаешь, я ведь... Я – твой инициатор, – говорю и чувствую себя совершенно беспомощным.

– Ини... ци...

– Подожди, не так. Забудь про инициатора. На самом деле... Это трудно объяснить. Просто ты есть часть меня. Ты продолжаешь меня... Ты будешь жить на Архипелаге тогда, когда меня уже не будет, но в действительности я буду вечно, пока будешь ты... И твои новые жизни, которые будут потом.

– Я есть часть тебя? – вяло переспросил Тами-ра, но было видно, что он окончательно запутался. Я просто не был готов к такому разговору и на самом деле не находил нужных слов. Ничего похожего на те слова, которые бы сразу все расставили на свои места в его понимании мира.

– Тами-ра, трудно тебе это сейчас объяснить, – сдался я. – Мне трудно объяснить это самому себе, а тебе – еще труднее. Просто мне нравится вот так гулять с тобой. Понимаешь? Тебе ведь тоже это нравится?

Едва заметно мой маленький спутник кивнул (или мне это просто показалось?), но мысленно он был уже где-то далеко в небе за барьером, к которому мы как раз подошли. Край Ничто, сливающийся с небом в бескрайнем пространстве, далекие острова, парящие в белесом мареве, темно-фиолетовые вспышки под покрывалом Ничто, медленно и величественно бурлящая поверхность моментально унесли его невероятно далеко. Слишком далеко от той точки, где я пытался объяснить ему свои чувства.

Мы стояли и смотрели вниз. Так, словно никакого острова за спиной нет и не было, а все, что есть, – это грубо обтесанный барьерный камень, по неведомой причине застрявший

в небе. Вечность и мощь, от которой захватывает дух. Ослепительная и оглушающая свобода, о которой знают только наездники и новые жизни, еще не утратившие свежести восприятия. Я и он.

...Трудно понять, было ли это послание Сущности или просто ночной кошмар. Два образа, два смысла – один напротив другого: Тами-ра и огонь. Настойчиво, несколько раз по кругу я видел свою новую жизнь и пламя. Потом снова Тами-ра, и снова пламя.

Утром, дрожа то ли от ужаса, то ли от ночной прохлады, я убеждал себя, что это – только сон. Плохой, бессмысленный, страшный сон. Но слишком хорошо я знал, КАК приходит Сущность. Слишком явственно я почувствовал ее перед тем, как уснуть.

9. Тот, кто направляет мою волю

Когда солнце уже поднялось достаточно высоко и большая часть моей уммы оказалась залитой ярким светом, в проеме арки появился Мику-ра. До того, как он пришел, я разобрал свой механический резак, но так и не понял, в чем же была его проблема. На полу двумя ровными рядами выстроились детали, каждая из которой выглядела абсолютно целой и работоспособной. К сожалению, того же я не мог сказать про резак в целом.

– Мирами, Тиа-ра! – бодро поприветствовал меня гость и

сделал шаг внутрь уммы.

– Мирами, – ответил я, отложив в сторону ручной клепочник.

– Чем занимаешься? – из вежливости спросил Мику-ра, бросив взгляд на россыпь деталей и инструментов. Как и у многих молодых законников, с механикой у него были весьма прохладные отношения и практически полное взаимное непонимание.

– Да так... Ничего особенного. Резак ремонтирую. Поможешь? – съязвил я в отсутствии публики, которая могла бы это оценить.

– Это так остроумно. Надо запомнить, – ответил Мику-ра без тени улыбки на лице.

– Ладно, ты хотел поговорить о чем-то?

– Да. Но не лично.

– Как это? – удивился я.

– Хочу пригласить тебя на одно собрание, которое начнется уже через солнечный шаг. Боюсь, если ты согласишься, тебе придется отвлечься от твоих металлических друзей. А я думаю, что ты согласишься, – не изменяя привычной уверенности в себе резюмировал Мику-ра.

– И что это за собрание?

– Знаешь, Моту-ра был против того, чтобы я вовлекал тебя в эти дела... По крайней мере, сейчас. Но я все же думаю, что это важно для всех нас. И для наездников в том числе. Возможно, для наездников это даже важнее.

– Мику-ра, просто скажи, о чем речь.

– Это будет небольшой совет людей Огненного острова – несколько законников, главный механик, управитель плавильных ям и еще несколько человек.

– Послушай, но Закон говорит, что я, как наездник, не могу принимать участие в... мероприятиях такого рода. Ты знаешь это лучше меня.

– Вот именно, я знаю лучше тебя, так что оставь мне право самому трактовать Закон. А он, Закон, на подобные встречи тебя лично не приглашает, но и не запрещает присутствовать там, ясно? Как и в днях голосования, кстати, куда ты ходишь без зазрения совести. Так что, ты будешь?

Понимал ли я, что Мику-ра в очередной раз вовлекает меня в то, что меня не касается и касаться не должно? Конечно, понимал.

Пойду ли я? Конечно, пойду.

Выбор есть всегда. Всегда можно решить, хочу я ремонтировать механический резак или говорить о судьбе острова на Совете. Но лично для меня никакого выбора здесь не оставалось. Одиночество я люблю в той же степени, в которой хочу быть полезным. И именно вовлеченность, именно участие в тех событиях, которые могли бы пройти мимо, создают ощущение нужности и полезности.

Уже через минуту после ухода Мику-ра я распутываю свой лучший хартунг и стираю с ладоней бурые пятна смазки.

В просторной умме Совета действительно людно. Казалось, на мое появление никто не обратил внимания, но с Мику-ра я все же встретился взглядом. Вокруг него – несколько младших законников. Лично я знал только одного из них – хмурого, молчаливого парня, которого так и называл про себя – «Хмурый». Настоящее его имя – Сог-ра, а Мику-ра иногда называл его «Соратник» по причинам, мне неизвестным.

Легкая улыбка, которая сопровождала взгляд Мику-ра, как бы говорила: «не сомневался в твоём присутствии ни секунды». Не желая подыгрывать, отвожу глаза. Туда, где на стенах уммы выстроились в ряды таблицы с Законом – несколько десятков керамических пластин, покрытых мелкой вязью текста. В какой-то момент я даже нашел Закон наездниках. Тот самый, который мне пришлось выучить наизусть в день после Испытания. Стоило только увидеть его сейчас, как в памяти начали всплывать целые фрагменты текста. Впрочем, слишком долго проверять свои знания мне не пришлось – Совет начался.

Открыл собрание, как и следовало, Моту-ра. Немного сутулый, аккуратный в каждой детали, но уже очевидно стареющий, главный законник таинственным образом расцветал, когда начинал говорить. Его голос – такой же проникновенный, как и прежде.

– Мы собрались здесь, чтобы обсудить свободу волеизъявления людей Огненного острова в будущий Халку-мару и

все последующие дни собраний. Я не буду лишним раз напоминать, что свобода воли и свобода говорения были и останутся важнейшими ценностями нашей земли, которым, как считают некоторые, сейчас угрожают извне. Поэтому я предлагаю всем, кто желает что-то сказать по данному поводу, сделать это сейчас.

Главный законник был непривычно краток, и я не мог сказать точно, было ли это хорошим знаком. Как и всегда, в жестах, движениях или интонациях Моту-ра трудно распознать, что он лично думает по тому или иному поводу. Но сейчас мне почему-то казалось, что происходящим он тяготеет. Если и проводит это собрание, то по инициативе кого-то другого – не по своей.

– Я давно говорил, что нужно было запретить мистиков, – пробасил Комму-ра, ближайший помощник главного механика и достаточно влиятельный на острове человек. – Все беды от них и всегда были от них, с самого Начала памяти. И сейчас мы можем наконец объявить Огненный остров островом-вне-Храма, чтобы сразу снять все вопросы.

– Это неприемлемо, – тут же отозвался Моту-ра. Спокойно, но твердо. – Все вы знаете, что Закон не предусматривает никаких статусов вне-Храма или в-Храме. Мы вообще не должны никак называть текущий уклад. Только народоволие, и ничего больше. К тому же, дело вовсе не в мистиках. Я, как главный законник, стою на том, что мы должны защищать не техников или мистиков, а свободу людей само-

стоятельно выбрать техника или мистика, или вообще кого угодно – кого посчитает нужным большинство.

– Да, но что мы тогда вообще можем решить? – спросил управитель копательных ям с огненным песком, имя которого я не запомнил. – Что решить в силах наших? Все идет туда, куда должно. Что поделаться тут?

– Мы должны обеспечить защиту острова от храмовников, – вдруг вмешался Мику-ра, который до сих пор ничем не выделялся из группы младших законников. – Действительную, реальную защиту не только в дни собраний, но и во все другие дни.

– Ты неверно выражаешься, Мику-ра, – мягко перебил его главный законник. – Храмовники – такие же мирные жители Архипелага, как и мы с вами. Мы никогда не видим врагов в людях других островов. Если угроза и есть, то она исходит от отдельных наездников. На то их воля.

– В том-то и дело, что это – не их воля, – чуть резче, чем это было бы уместно, сказал Мику-ра. – Храм и те наездники, которые кружат над островами, есть суть одно. Этого можно не замечать, но так есть. Камо-те люди даже называют «храмовыми птицами». Те, кто ими управляет, и есть Храм.

– Люди могут называть эти механизмы так, как подсказывает им воля. Но мы не должны из-за этого считать врагами тех, кто был рядом с Начала памяти Архипелага. Я настаиваю на том, что если у нас есть неприятели, то это не храмовники. А те наездники-добровольцы, которые вторгаются

в проекцию Огненного острова и пугают наших людей.

– Но мы знаем, ЗАЧЕМ им этот страх и ЧТО они хотят донести людям. Они показывают, что они – сила, а, значит, сила в Храме. И только с Храмом можно стать ее частью, иначе сила обернется против каждого, кто ей противится. Это очевидно.

– Я бы не был так уверен, – произнес Моту-ра со спокойствием, выдающим в нем опытного законника, у которого всегда под контролем если не внешние обстоятельства, то, по крайней мере, его собственная выдержка. – Но мы отвлеклись от главной темы нашего Совета. Что бы ни представляла собой эта угроза, главное – это то, как мы на нееотреагируем...

– В том-то и дело: отношение к этой угрозе и есть первый шаг к защите от нее, – не унимался Мику-ра. – Согласившись с тем, что храмовые птицы есть сам Храм, мы можем использовать механических птиц и наездников родом с Огненного острова для противодействия.

– Да, так есть, – вдруг прорезался скрипучий голос управителя плавильных ям. – Механические птицы наши и наездники наши должны защитить остров. Бесспорно, так есть.

– Подождите, – Моту-ра поднял руку вверх, останавливая желающих тут же высказаться в поддержку этой идеи. – Вы снова забываете о том, что говорит Закон. Нет и не может быть наших и храмовых наездников, как не может быть наших и храмовых птиц. Наездник не имеет принадлежности

и права голоса до тех пор, пока в его распоряжении есть механическая птица. Единственное, чем он руководствуется – воля его, и ничего больше.

– Мы знаем Закон, но, к сожалению, этот Закон нежизнеспособен, – сказал Мику-ра, вызвав настоящее смятение в рядах присутствующих. Для жителей Архипелага, которые ценят Закон и ясные правила во всем, такое заявление ставит под сомнение многое. Слишком многое, чтобы говорить об этом вслух.

– Этот Закон нежизнеспособен, – повторил младший законник громче, перекрикивая возникший шум голосов. – Он был утвержден Аракорат-мару на заре эпохи небесных камней, когда механические птицы были совершенно новой, неизведанной силой, которую нужно было контролировать. Отдав в распоряжение эту силу независимым наездникам, Совет хотел сделать ее неприменимой для любой политической силы или островного сообщества. В этом есть смысл: по отдельности воля каждого человека на Архипелаге чиста, а стихийная воля массы – опасна.

Но это не работает! – продолжал Мику-ра. – И не работает по одной простой причине: за прошедшие солнечные циклы наездники так и не стали независимыми. Мы, законники, лишили их права голоса, механики отдали им в распоряжение механических птиц, но этого недостаточно. Каждый наездник неизбежно остается частью своего острова, он здесь живет, здесь ест, спит, дышит и инициирует новые жизни.

И, как следствие, не может быть независимым по определению. К несчастью, это уже поняли в Храме и, к еще большесму несчастью, это понимание совпало с падением Конструкта.

– Ты хочешь сказать, что храмовники нарушают Закон? – спросил кто-то из младших законников.

– Нет, я не сказал этого. Но я уверен, они навязывают наездникам волю массы, сохраняя иллюзию их независимости. Тем не менее, это только иллюзия, и, глядя на то, как умело координируются и направляются полеты механических птиц, я не могу поверить в то, что в их основе лежит сумма решений самих лишь наездников.

По мере того, как Мику-ра говорил, в умме все чаще раздавались одобрительные возгласы присутствующих. На самом деле он просто озвучил то, о чем думали многие, но озвучить это казалось немалой смелостью.

– Так должны поступить и мы! – подытожил оратор, воодушевленный поддержкой. – Отказываясь от открытой поддержки наездников, мы только делаем себя слабее перед лицом новой угрозы. Будущий Халку-мару может быть свободным только в том случае, если в небе над Площадью будет наша механическая птица, как сигнал для каждого, кто захочет нарушить проекцию Огненного острова.

Я наблюдал за всем происходящим, спрятавшись за чьей-то грузной фигурой. И больше всего меня удивляло не то, ЧТО говорят оппоненты, а сам факт столь явного противо-

стояния между Мику-ра и Моту-ра. Может, предпосылки к такому расхождению были и раньше. Были наверняка. Но столь явная оппозиция проявлялась по-настоящему только теперь.

Я думал о том, что истинная суть этого противостояния заключалась вовсе не в конкретных спорных вопросах и аргументах. На самом деле где-то здесь пролегла граница между традицией и реакцией, старым и новым, верховенством Закона как такового и верховенством тех целей, которых можно с его помощью достичь. Справедливости ради, того же Моту-ра трудно назвать непоколебимым поборником привычных ценностей. Он умел быть гибким и мог оценить последствия лучше, чем кто-либо. Но то, с какой силой он верил в силу Закона... Этому бы позавидовали самые искренние мистики в Храме.

– Возможно, – ответил главный законник. – Возможно, все так и есть. Я не знаю, и никто из нас пока не знает. Но для того, чтобы изменить статус наездников, мы должны созвать Аракорат-мару – Всеобщий совет Архипелага, – уточнил Моту-ра для тех, кто не знал терминологии законников так же безусловно.

– Пока соберется Аракорат ваш, на месте уммы этой будет еще один храм, – проворчал кто-то из управителей так, чтобы слышали все присутствующие.

– Но мы должны попробовать. Мы должны инициировать эту идею и вместе с ней обсудить правила неприкосновен-

ности проекций островов и Закон об их защите. Это может быть бесполезным, но мы выиграем время и сможем лучше понять, что на самом деле происходит на Архипелаге.

– Что нам делать до того? – спросил кто-то.

– На время Халку-мару я предлагаю пригласить на башню одного добровольца, дав ему Право отложенного голоса для следующего Дня собраний. Более масштабные методы защиты мне видятся излишними.

– А как же наездники?

– Наездники будут поступать так, как говорит их воля, и никак иначе, пока не изменится Закон. Если это, конечно, произойдет.

Вяло согласившись с хоть каким-то общим решением, совет начал расходиться. Мику-ра больше не вступал в спор с главным законником, но, кажется, ему это и не было нужно больше. Его план – прост и эффективен. Услышав все то, что услышал, на будущем Халку-мару я больше не мог оставаться в стороне. Не мог. И именно я должен стать тем, кто будет в небе над Площадью в этот день.

Он прав: независимость воли наездника – идея, которая никогда не будет реализована. Оставшись в стороне в этот раз, я больше не смог бы оставаться тем, кем являюсь, не смог бы получать то, что дает мне остров. И даже если на то нет моей воли, я не могу больше оставаться в стороне.

Возможно, заслугу моего участия люди позже припишут Мику-ра. А, может, и нет. Но я – именно я, – знаю, кто на-

правил мою волю в нужном направлении. Это был Мику-ра, и никто другой.

Детали механического резака, разложенные на полу умы, уже тонули в закатных тенях. Даже не притронувшись к инструментам, я заполз в свою постель и не выбирался оттуда до утра.

10. Непоправимое

Халку-мару – день, когда на площади решаются споры, обсуждаются насущные проблемы острова, и каждый может быть услышан многими. Сам по себе этот день собраний не решает судьбу острова и не указывает, кому предстоит оказывать наибольшее влияние на эту самую судьбу. Но именно он, последний день каждой нечетной луны, во многом определяет настроения людей, их взгляды и отношение к действующей команде законников. Нередки случаи, когда именно Халку-мару значил для уклада острова больше, чем Оту-мару – день голосования.

Кроме того, в хорошие времена Халку-мару – это всегда праздник, когда женские роды особенно приветливы к гостям-мужчинам, а служители отдают людям все лучшее, что есть в запасах.

В хорошие времена, но не теперь. В этот день многие не столько ждали собрания, сколько хотели узнать, в какой обстановке он будет проходить, и произойдет ли нечто, способ-

ное подтвердить худшие опасения.

Примерно того же ждал и я. С той лишь разницей, что сегодня мне предстояло быть не на Площади среди людей, а в небе над ними. От этой мысли становилось немного спокойнее, но предчувствие трагедии не покидало с самого утра.

Еще за несколько часов до начала я был на площадке, где стояла Ши-те. Вместе с механиком Мар-ра проверил заряд спирали, подтянул все тяги, отрегулировал балансиры, прощупал каждый квадратный шаг металлического каркаса в поисках возможных трещин и растяжений конструкции. Мы сделали все, что могли, для того, чтобы птица была идеально настроенной, надежной машиной под седлом своего наездника. Трудно сказать, что двигало мной сильнее – стремление защитить себя от возможных неисправностей или желание убить еще немного времени в ожидании такого странного, необычного полета.

Я делал все, что угодно, чтобы не думать о главном – о том, ЧТО мне делать в небе и как вести себя, если появятся храмовые птицы. И что будет нужно в проекции Огненно-го острова их наездникам, если они действительно появятся. Прямо сейчас каждый из этих вопросов не имел ответа, и никто не мог бы помочь их найти. Где-то здесь заканчивалась политика, и начиналось пространство, принадлежащее только мне – наезднику, чья воля заставляет подниматься в небо.

Прыжковый механизм натянут до предела, я сижу в сед-

ле, перехваченный двумя ремнями, и настало время лететь. Даю отмашку механику. Рычаг нажат и... Я в своей стихии. Подброшенную в воздух птицу привычно перехватывает сила небесного камня, и она летит вперед и вверх, широко расправив крылья.

Для начала делаю пару кругов внутри проекции острова на небольшой высоте – что-то около сотни шагов. Отсюда хорошо видно, как человеческие фигурки на Площади собираются в небольшие группы вокруг выступающих, а потом снова рассыпаются и перемешиваются с другими группами. В некоторых частях открытого пространства – там, где служители решают проблемные вопросы жителей, – как всегда многолюдно. Напротив, возле трибуны, где законники разрешают споры, почти никого нет.

По спирали я поднимаюсь выше и выше, постепенно увеличивая радиус своих кругов. Остров уменьшается в размерах, и на Площади уже трудно различить отдельные фигуры людей. Но я уже почти не смотрю вниз. До рези в глазах вглядываюсь в закатную сторону – стараюсь вовремя увидеть темные точки приближающихся механических птиц. Смотреть трудно – постепенно спускающееся к краю солнце слепит. В полосе этого света отчетливо видны только пятна парящих вдали островов.

Я понемногу успокаиваюсь. Чувствую себя уверенней, как во время обычной прогулки в небе. До конца Халку-мару остался всего солнечный шаг или что-то около того, и я спус-

каюсь немного ниже.

В тот момент, когда я по-настоящему поверил, что ничего необычного не произойдет, и думал о том, что вечером смогу пойти к Миа-ку, появились они – храмовые птицы. Я напрасно вглядывался в закатное небо над островами: три Камо-те вынырнули откуда-то снизу, из-под проекции. На фоне темно-серого полотна Ничто их металлические тела были практически неразличимы. Увидел их только в тот момент, когда птицы перешли в затяжную дугу над островом, всего в пятидесяти шагах над его поверхностью. С башни зазвучали двоянные сигналы предупреждения. Один за одним, с интервалом в несколько десятков секунд.

Так быстро, как только мог, я перебирал рукоятками винтов оперения, складывая крылья, и почти полностью убрал силу на камне. Ши-те наклонилась на нос и нырнула вниз ближе к траектории храмовых птиц.

Пока я снижался на нужную высоту, они уже покинули проекцию острова. Впрочем, питать никаких иллюзий по этому поводу не приходилось: Камо-те разошлись веером и описывали широкие петли, снова обращаясь носом к Площади.

Спланировав вниз, я получил некоторое преимущество в скорости. Наугад выбрав одну из храмовых птиц, повторяю ее вираж и оказываюсь всего в паре десятков шагов позади. Отсюда была хорошо видна спина наездника, скрещивающиеся ремни его хартунга и даже черты лица – в тот момент,

когда он заметил мою птицу сзади и на мгновение обернулся.

Он – такой же, как и я. Молодой, подтянутый, плотно сидящий в своем седле. Кажется уверенным в себе.

Странно, но наездник Камо-те даже не думал ускориться, и пока машина снова достигла Площади, мы уже летели рядом, едва ли не крыло в крыло. Всего в нескольких десятках шагов подо мной – уммы и сотни людей. Уверен, что взгляды большинства из них сейчас были прикованы ко мне, а я... Я оказался в той ситуации, которой боялся сильнее всего: просто не знал, что делать теперь, чего от меня ждут и каким образом я вообще мог защитить людей там, внизу.

Уже сейчас было очевидно, что сам факт моего присутствия в небе над островом ничего не менял. Я несся на большой скорости совсем рядом с наездником на Камо-те, видел его лицо, чувствовал его движения, мог рассмотреть каждую рукоятку, к которой он прикасался, но не мог заставить храмовника отвернуть ни на шаг. И это уже не говоря о том, что где-то рядом в небе Огненного острова находились еще две чужие птицы, внушающие трепет и страх каждому на земле.

Не придумав ничего лучше, я просто качнул Ши-те в сторону храмовой птицы, угрожая ей столкновением. Неизвестно, для кого из нас такой удар мог оказаться более опасным, но других вариантов просто не нашел.

Наездник Камо-те благоразумно отклонился от своей траектории и, подав больше силы на небесный камень, рванул вперед, сразу же оторвавшись на десять-пятнадцать шагов.

В такой ситуации трудно было не заметить – храмовая птица была все-таки резвее. Она быстрее набирает скорость и сбрасывает ее. Растеряв преимущество в скорости, полученное после скольжения с высоты, мне стало непросто играть роль преследователя.

Тем временем мы снова покинули проекцию Огненного острова и сделали еще одну петлю для разворота. Я пытался заставить противника (теперь я не мог называть его иначе) изменить курс, но единственное, чего смог добиться – снова оказаться поблизости, на расстоянии размаха крыльев. Одновременно я пытался держать в поле зрения две другие храмовые птицы, но это было непросто. Они заходили в проекцию с разных направлений и на разной высоте.

Сложно предположить, сколько бы продолжалась эта странная гонка, но в следующую минуту произошло то, что навсегда и необратимо изменило историю Архипелага. Сейчас уже трудно сказать, было ли это частью плана храмовников или инициативой конкретного наездника, намерением или случайностью, но последствий уже не отменить, а жертв – не вернуть. Не вернуть и ту женщину, которую сразила стрела одной из храмовых птиц прямо во время Халку-мару пятой луны холодного полуцикла.

Я видел, как снижалась одна из Камо-те, и видел, как в ужасе бросились в стороны люди, еще секунду назад неподвижно наблюдавшие за замысловатыми петлями птиц над островом. И где-то там, среди десятков беспорядочно мечу-

щихя фигур была видна одна, распростертая прямо на плитах Площади. Ничего больше было нельзя рассмотреть из моего седла, но я сразу понял, произошло нечто страшное. Страшное и непоправимое.

Почти сразу храмовые птицы поползли на высоту и взяли курс на закат. Я не мог догнать ни одну из них, а если бы и догнал, то вряд ли был в силах сделать хоть что-либо. Проводив чужаков далеко за проекцию и порядком отстав, я круто развернулся через крыло и спланировал на свою площадку.

– Лишена жизни! Женщина лишена жизни! – кричал первый, кого я встретил на земле, – юноша с безумным взглядом. Я столкнулся с ним в арке, ближайшей к месту посадки.

– Какая женщина? – я схватил его за плечо и даже, кажется, сильно встряхнул. От неожиданного рывка молодой человек едва не запутался в собственном хартунге. – Какая женщина?! – почти кричу ему на ухо, пока сердце стучит в голове, как молот по листу металла.

– Старшая мать... Я не знаю ее!

– Старшая мать, – механически повторил я без всякого выражения и разжал ладонь. Парень тут же исчез в ближайшем проходе. Это – не Миа-ку. Но для кого-то она могла быть такой же дорогой и нужной, какой была для меня.

Трудно описать то, что происходило на острове вечером после Халку-мару. Я мог бы назвать это массовым отчаяни-

ем, но вряд ли эти два слова дадут хотя бы приблизительное представление о том, что чувствовали жители Огненного острова в этот исторический день.

Некоторые из тех, кто читает сейчас мой рассказ, могут усомниться в том, что гибель какой-то женщины от стрелы вообще способна подействовать на людей ТАК сильно. И такие сомнения оправданы. Но оправданы только для тех миров, где насилие уже давно стало частью привычной реальности. К таким мирам не относился Архипелаг – место, где люди рождались на парящих островах, жили по Закону и умирали в преклонном возрасте – тихо и спокойно. В этой цепочке событий несчастный случай воспринимался как общая трагедия, а осознанное насилие и вовсе считалось чем-то невозможным.

В день Халку-мару, когда выпущенная с храмовой птицы стрела пронзила стареющую женщину и привела к лишению жизни, все изменилось. Оказалось, что осознанное насилие ВОЗМОЖНО. Оказалось, что от него способен защитить Закон и сколько угодно чистая воля. И именно здесь – шаг, полшага до паники.

11. Оружие

Всю ночь во сне я летал крыло в крыло с храмовой птицей – вычерчивал в небе одну петлю за другой. Каждый раз оказывался совсем рядом – всего в нескольких шагах от Камо-те, но не мог ничего сделать, и она ускользала. Снова и

снова. Круг за кругом.

В конце концов я понял, что летаю сам, без Ши-те. Просто рассекаю воздух руками и парю свободно, как если бы был птицей сам. Живой птицей из легенд. Но стоило мне только понять это, как Ничто начало притягивать. Я стал падать вниз, не находя, на что опереться. Рядом уже не было ни Камо-те, ни острова, только долгое-долгое падение в плотный мрак. Меня разбудил хартунг, сорвавшийся с крюка в стене: за его край я схватился во сне, инстинктивно пытаюсь остановить бесконечный полет вниз.

Было еще довольно рано, когда я шел в мастерскую Тотра, которую люди обычно называли Полукруг. Надо сказать, такое название полностью соответствовало облику этого места. Оно было похожем на половину очень большой уммы с мощными стенами, выстроенными вдоль полукруга из восьми мощных колонн. Та часть мастерской, которая находилась внутри этой странной фигуры, представляла собой замысловатый лабиринт из стеллажей, рабочих столов, машин для обработки металла, неглубоких кладовых ям и коробов. Сверху, на высоте стены, протянулись несколько мостов для передвижных талей.

Открытой стороной Полукруг выходил на просторную террасу, где собирали и ремонтировали крупные механизмы. Сейчас на этой площадке покоилась только разбившаяся еще в прошлый теплый полуцикл птица и наполовину разобранный конденсатор. Обогнув его с правой стороны, я в очеред-

ной раз ушиб ногу об один из невысоких упоров, торчащих прямо из глинобитного пола. Прихрамывая и мысленно ругая механиков, которые вообще мало думают об удобстве и безопасности своих владений, я довольно долго искал в глубине мастерской того, кто уже много солнечных циклов был здесь главным.

– Мирами, – поприветствовал я Тот-ра, увидев наконец его грузную фигуру над одной из кладовых ям.

В ответ он лишь продемонстрировал открытую ладонь и с удивительной ловкостью спрыгнул в углубление.

– Был вчера на Площади? – спрашиваю его, осторожно заглядывая в полумрак ямы.

– Так есть.

– Далеко от места... От места, где погибла женщина?

– Далеко, – Тот-ра был, как всегда, немногословен. Он искал что-то в нише и не проявлял ни малейшего интереса к беседе.

– Видел то, что происходило в воздухе?

– Так есть, – снова гулко прозвучало из углубления. Вместе с позвякиванием каких-то металлических деталей и скрипом передвигаемых тяжестей.

Некоторое время я молча сидел на каком-то ящике. А потом все-таки сказал:

– Я просто не знал, что делать. Не мог никак помешать, понимаешь? – выпалил, как одно слово. Сделал именно то, что хотелось: попытался оправдаться, если не перед самим

собой, то перед кем-то посторонним.

Странно, когда хочется оправдываться, а от тебя, как на- зло, никто не требует оправданий.

– Может быть, не мог. Может быть, мог. Не мне говорить об этом, – чуть погодя проворчал механик.

– Ты считаешь, что в моих силах было больше?

– Я ничего не считаю. Я думаю, напрасно ты был там, – наконец ответил хоть что-то определенное Тот-ра и выложил на край ямы какой-то механизм, завернутый в старую ткань.

Любой другой механик использовал бы для этого таль. Любой механик, но не Тот-ра. Тяжелые конструкции из металла он переносил с места на место, почти не напрягаясь.

– Напрасно? Мне не надо было лететь? – не унимался я.

– Твоя воля. Не нужно что-то делать, если не знаешь что. Не нужно что-то делать, если машина не готова, – спокойно заметил главный механик, разворачивая сверток.

– Да, ты правильно говоришь. Вообще-то я и пришел к тебе для того, чтобы ты помог мне с машиной... В том числе поэтому.

– Так есть.

– Знаешь, Ши-те хороша. Очень хороша. Возможно, она лучшая из всех механических птиц, которую я видел. Но в такой ситуации... Она почти бесполезна! Камо-те быстрее. И у них есть... Не знаю, как это назвать. Она метает стрелы, ты видел.

– Я начал помогать еще до того, как ты пришел, – ухмыль-

нулся Тот-ра одним уголком рта.

– Что ты имеешь в виду?

– Это то, что может помочь, – Тот-ра кивнул в сторону странного вида механизма, извлеченного из ямы.

Две широкие параллельные дуги, укрепленные на массивное основание, которое, в свою очередь, было соединено с подвижной стойкой. Я вдруг осознал, что эта конструкция имеет самое прямое отношение к теме нашего разговора.

– Что это?

– Это – оружие. Самострел, – Тот-ра почти любовался ЭТИМ. Почти что с любовью смахнул с рамы пыль, накопившуюся за долгое время.

– Оружие? – удивленно переспросил я. – Что такое оружие?

– То, что метает стрелы. Похожее оружие наездники храмовых птиц использовали вчера.

– Но откуда... это? – спросил я, обходя механизм то с одной, то с другой стороны. Неподвижный, но почти осязаемо опасный.

– Долгая история. Я собрал самострел по древним таблицам. Таблицам на Библиотечном острове.

– Собрал? Но для чего? – удивился я.

– Просто собрал. Хотел испытать себя. Я думаю, там же взяли таблицу механики храмового острова.

– Сделал и спрятал его?

– А кому оно было нужно?

– Не знаю, – пожимаю плечами и провожу рукой по холодному металлу, рассматривая устройство вблизи.

Тонкая работа, как и все, что делает Тот-ра.

– Оно не было нужно, – ответил он на свой же вопрос. – Но, похоже, оружие нужно сейчас тебе.

– Я перелечу на площадку прямо сейчас?

– Если твоя воля, – снова ухмыльнулся Тот-ра.

Уже через один солнечный шаг Ши-те стояла на террасе у Полукруга, а вокруг сновали механики во главе с Тот-ра. Как оказалось, идея установить на птицу самострел – не единственное, что придумал главный механик в эту долгую-долгую ночь.

За то время, пока солнце пересекло небо с восхода на закат, Ши-те изменилась и очень сильно. В ее сердце установили более мощную спираль, а с боков убрали громоздкие подвесы для груза.

Конечно, не обошлось без жарких споров о том, что и как может улучшить птицу без ущерба для ее возможностей. Так, например, предметом долгих обсуждений механиков была разумная мощность спирали. Очевидно, что существующего усилия не хватает для того, чтобы соревноваться в скорости с Камо-те, но слишком большая энергия, поданная на небесный камень, могла оказаться еще более опасной. Такая сила способна вырвать камень из его гнезда, разрушить или деформировать каркас птицы.

В конце концов механики все-таки установили новую спираль, но на первое время поставили ограничитель ее мощности. В итоге максимальная скорость птицы выросла на единицу-из-восьми, но обращаться с ней в полете теперь следовало еще осторожнее, чем прежде.

Не меньше разногласий вызвала установка самострела. С самого начала планировалось укрепить его на носу птицы перед моим седлом. Примерно в этом же месте находилось оружие на Камо-те. Большую часть времени я молча внимал аргументам и контраргументам механиков, но в какой-то момент и сам активно вмешался в спор.

– Подождите, – говорю им, когда самострел, закрепленный на тали, уже завис над туловищем птицы. – Думаю, это не лучшая идея.

Знаете ли Вы, как смотрят механики на немеханика, который вызвался давать им советы? Я точно знаю. Примерно так же, как смотрит земледелец на червя, оседлавшего его обувь. За мгновение до того, как начать его долгий полет в неизвестность.

Но я все-таки продолжил:

– Трудно сказать, как устроено управление храмовых птиц. Оно может быть проще хотя бы потому, что Камо-те меньше. Вы видели, они не имеют столь искусной системы оперения, как у Ши-те... Словом, они могут стрелять с лету, даже не маневрируя в этот момент. Но я не могу себе этого позволить, ясно? Пытаться играть по их правилам бесполез-

но. Нужно разработать свои.

Один из механиков отмахнулся, продолжая стравливать канат тали, другой о чем-то быстро и бестолково заговорил. Видимо, оспаривая мое мнение. Но Тот-ра, стоявший совсем рядом, всего в нескольких шагах, молчал. И это было хорошим знаком.

В конце концов он предложил нечто совершенно неожиданное. Механики развернули второе седло на Ши-те спиной к моему седлу и установили подвижную турель с самострелом прямо перед ним. Таким образом, если дело дойдет до настоящей схватки, мне не придется гнаться за храмовой птицей, а потом еще и бросать рычаги для того, чтобы выстрелить. Напротив, мне нужно заставить противника оказаться сзади. Пусть даже став на время приманкой.

Да, и Ши-те был нужен еще один наездник. Тот, который займет второе седло и будет орудовать самострелом. Но об этом еще предстояло подумать позже. А пока... Солнце садилось, его оранжевые лучи отражались от металлических боков птицы, и я чувствовал, что стал сильнее. Ровно настолько же, насколько стала сильнее Ши-те.

Где-то на другом краю Огненного острова в этот день отпустили в Ничто оболочку той женщины, которая погибла вчера на Площади. На Неназванной церемонии собрались сотни людей. Многие из них не знали эту старшую мать лично, но чувствовали это так, словно она была им очень близ-

ка. По лицам собравшихся было видно, что многие из них совершенно раздавлены трагедией и не знают, как защитить себя и своих близких в будущем. Наверное, именно этого и хотели храмовники.

Но я сам уже оставил это позади. Боль и страх перед будущим остались на террасе Полукруга, где целый день мы работали над еще более совершенной и опасной Ши-те.

Странно осознавать то, что теперь я не боялся встречи с Камо-те. Теперь я ждал ее. Ждал для того, чтобы заново испытать свою птицу и себя самого.

Наша со Стариком скамья уже утонула в полумраке, но он – еще там. Неподвижный, беззвучный, почти слился с густой закатной тенью.

– Эй... – говорю я ему, остановившись напротив.

– Ну, – проскрипел Старик словно через силу. В этом «ну» громоздились друг на друге усталость и обида. Не похоже на Старика. Совсем не похоже.

– Что-то произошло? – спрашиваю осторожно.

– Жаль. Очень жаль, что так произошло, – после небольшой паузы ответил он.

Я сел рядом.

– Держись. Нам надо сохранять присутствие духа, что бы ни случилось, – сказал я, наверное, более пафосно, чем следовало, но искренне. Так, как умел (или не умел) утешать.

– Ну да, ну да. Надо быть осторожнее, – отозвался Старик.

– Да, и осторожнее тоже. Ты прав. Ты знал ее?

– Надо быть очень осторожным. Одно неосторожное движение – бах! И все. Конец, – сокрушался он, проигнорировав мой вопрос.

– Мне кажется, ты преувеличиваешь, – я неловко положил руку ему на плечо. – Не все так страшно. То есть опасность есть, но... Не все так страшно.

– И все-таки, как жаль! – сказал Старик спокойно, но печально.

– Очень жаль. Очень, – снова согласился я. – Есть нечто, чего не вернуть. Никогда не вернуть. И этого особенно жаль.

– Ты поразительно прав! – воскликнул Старик.

«Поразительно» покорило, но не время обижаться. Печаль не выбирает случайных жертв.

– Очень жаль, – снова повторил я. – Очень.

– Знаешь, я ведь получил это от старшей матери. А она – от своей старшей матери. Ты знал?

– Нет... Что? То есть что получил?

– Второй из трех лучших кувшинов. Тот, который разбился сегодня. Так жаль! Одно неосторожное движение – и бах! Нет его. Не вернуть. Надо быть осторожнее.

– Знаешь, Старик, ты окончательно выжил из ума. Я бы даже сказал, ПОРАЗИТЕЛЬНО быстро выжил из ума, – только и промолвил я после нескольких секунд молчания.

Сказал и пошел в умму. Спать.

12. Кир-ра

– Мое имя есть Кир-ра. И я хочу лететь с тобой на Ши-те, если воля твоя, – сказал кто-то с порога моей уммы.

– Неплохое начало, – ответил я и, кажется, только после этого проснулся.

В предыдущие дни было много событий, каждое из которых вряд ли заслуживает отдельного упоминания, но в моей сегодняшней памяти образует слепок того времени. Не самого плохого времени, в котором еще оставалось немало счастливых иллюзий и светлых ожиданий.

Практически каждый день шестой луны я летал, осваивая новые возможности Ши-те. С первого взгляда изменилось не так уж много, но и незаметными эти изменения назвать трудно. Увеличенная мощность спирали требовала особого обращения, а конструктивные правки и установка турели ощутимо сместили центр тяжести птицы. Для того, чтобы снова чувствовать ее механизмы, как продолжение своих рук и ног, я опять и опять поднимался в небо с любимым, кто согласится играть роль наездника на втором седле.

В действительности никому из тех механиков или просто случайных людей никогда не придется стрелять из самострела, но мне это было и не важно. Главное – узнать птицу заново и управлять ею так же умело, как и раньше. Я взлетал, пробовал разные траектории, скорости и нагрузки, на земле в очередной раз регулировал тяги и балансиры, а потом сно-

ва взлетал.

Тем временем жизнь на острове продолжалась. Чуть более нервно, заметно тревожнее, чем раньше, но продолжалась. Не могла не продолжаться.

Точно знаю, что практически каждый день в одно и то же время на Площади появлялся Тик-ра со своими рассказами о Вмешательстве и важности приобщения к Храму. Ничего принципиально нового в его речах уже не появлялось, и все меньше случайных и любопытных слушателей собирали его логически грамотные, но монотонные высказывания. Вокруг Тик-ра объединилась группа самых искренних мистиков, но большинство людей Огненного острова слова оратора уже не трогали, а иногда – и раздражали. В его сторону направлены все больше гневных взглядов, хоть трудно было не заметить, как во многих из них появился страх.

Мику-ра я почти не видел. Я точно знал, что целая группа законников готовила предложения для Аракорат-мару, и почти наверняка в этой группе оказался Мику-ра. По крайней мере, я не мог представить, чтобы он остался в стороне, несмотря на скептическое отношение к самой идее Совета Архипелага.

Трижды за эти дни я виделся с Миа-ку. Один раз это была лишь случайная встреча у зерновых ям, и о ней мало что можно рассказать. Но... Время – лучшее лекарство от ссор, пусть даже таких ссор – без слов и взаимных упреков. Так

и бывает: оставь двух людей после конфликта в покое друг от друга, и варианта останется ровно два. За это время они могут оказаться слишком далеко от той точки, в которой были вместе, и разговоры станут уже бесполезны, или взаимное притяжение вернет их к этой точке, и разговоры станут уже не нужны.

Мы не обсуждали, что произошло, но вернулись в то состояние, когда злиться не на что и не хочется. Последнее наше свидание остро напомнило те луны шесть или семь солнечных циклов назад, когда мы проводили вместе значительно больше времени, и только приближались к тому, чтобы инициировать новую жизнь. Слишком хорошо я помнил закаты у барьера, прогулки ночью при свете светоспиралей и то, чем часто заканчивались такие встречи в ее умме.

С тех пор многое изменилось. Бывали периоды, когда мы не виделись целую луну или даже больше. Иногда я даже думал, что она выберет кого-то другого для инициации новой жизни. А иногда был уверен, что она выберет Мику-ра. От таких мыслей мне хотелось тут же вскочить на птицу и улететь на самый край Архипелага или еще дальше, но ничего такого не происходило, и потом мы неизменно сближались снова. И теперь, в эту луну между двумя собраниями, я чувствовал себя значительно ближе к тем далеким и радостным солнечным циклам прошлого. Ближе, чем когда-либо.

– Мое имя есть Кир-ра. И я хочу лететь с тобой на Ши-те,

если воля твоя, – сказал кто-то с порога моей уммы. Сказал именно так, как говорили наши предки, придерживаясь этого странного, режущего слух порядка слов и мыслей.

– Неплохое начало, – ответил я и, кажется, только после этого проснулся.

В ту пару мгновений, пока гость без приглашения прошел внутрь уммы и сел на подстилку для беседы, у меня был шанс рассмотреть его чуть более внимательно. Рассмотреть и... не заметить ничего, что бы могло говорить в пользу незнакомца или против него. Передо мной – невысокого роста мужчина, слишком худой даже для своего телосложения, но жилистый и подтянутый. Это было заметно, даже несмотря на не очень аккуратно перетянутый хартунг.

Трудно было сделать какие-то выводы, глядя на его лицо. Оно мало говорило о возрасте (хоть и можно было предположить, что Кир-ра все-таки старше меня) и вообще выражало не так уж много эмоций. Пожалуй, черты этого лица – слишком резкие, а взгляд – слишком жесткий. Да, определенно: слишком жесткий взгляд из глубоких глазниц с остро очерченными надбровными дугами. Но это – не моя проблема. Это – проблема тех женщин, которые выбирали Кир-ра для инициации. Если такие, конечно, существовали.

Какая разница, в сущности, насколько глубоко посажены его глаза и что я почувствовал в его взгляде?

Как и рекомендовали правила приличия, я предложил гостю воды, про себя мечтая услышать отказ. К счастью, он и

правда отказался. Ту пару глотков, которые чудом сохранились на дне кувшина со вчерашнего дня, я с наслаждением выпил сам.

– Вероятно, ты думаешь, почему воля моя лететь на Ши-те, и способен ли на это, – прервал странное молчание Кир-ра.

– Да, пожалуй, – согласился я, вытирая лицо влажной от утренней росы тканью.

– Я есть наездник, и Солнечный остров есть дом мой, – почти что торжественно сказал гость. – В солнечном цикле прошлом птица моя поломалась в полете. Я сбросил груз и дотянул едва до края земли этой. Где садиться, выбрать было нельзя уже, птица моя разбилась. Я сам должен был отправиться к Началу, но жив остался.

– Ясно, – кивнул я, не зная, что ответить.

Пока Кир-ра говорил, я отчетливо вспомнил эту историю. На нашем острове, где происходит не так уж много заметных событий, авария механической птицы – настоящая сенсация, о которой говорят даже новые жизни во время своих игр.

Тогда, в дни после падения машины, я потратил не один солнечный шаг на изучение конструкции и управления. Она и сейчас там – на площадке перед Полукругом. Занятые своими делами, механики быстро потеряли интерес к изуродованной птице с Солнечного острова, которая, к слову, явно уступала той же Ши-те по всем характеристикам.

Я знал, что потерпевший крушение наездник остался на

Огненном острове, но ни разу не встречался с ним лично. До этого дня.

– Почему ты не вернулся на Солнечный остров? – спросил я наконец, сев на пол напротив гостя, как и предполагал этикет серьезных разговоров.

– Нет причины. Я потерял груз ценный и разбил птицу.

– Но ты же сказал, что авария случилась из-за поломки?

– Так есть. Но это не меняет ничего. Груз упал в Ничто, а Ли-те мертва. Ее никто не станет восстанавливать здесь, а я не могу перенести ее на Солнечный остров. Но даже если бы так, механики там не стали бы мне доверять. Они бы отдали птицу наезднику другому. Если так, то и возвращаться нет причины, – немного путанно, но вполне понятно пояснил Кир-ра.

– Да, я понимаю... Но почему ты хочешь лететь со мной? Это опасно и... Буду откровенным: тебя мало что связывает с Огненным островом. Ты должен понимать, зачем тебе это. Не сомневаюсь, что ты это понимаешь на самом деле, но, думаю, о причинах нужно знать и мне.

– Кое-что связывает нас всех. Всех людей Архипелага. Особенно сейчас.

– Ты прав, но это все очень... Абстрактно. Согласен? Я все равно не понимаю, почему ты хочешь рисковать вместе со мной, – настаивал я.

– После того, как птица моя разбилась, я оказался на земле чужой. Я благодарю людей Огненного острова, они дают

мне место в умме, пищу и воду. Но это – одна сторона. Другая сторона есть то, что я заперт здесь и не нужен более там, на Солнечном острове. Я могу прожить так много солнечных циклов, состариться и отправиться к Началу. Но я не хочу так – без механической птицы и без цели. Второе седло на Ши-те твоей есть шанс мой снова оказаться в небе.

– Да, это уже больше похоже на правду, – кивнул я.

Интонация и мимика Кир-ра не выражали ничего, но теперь я и вправду лучше понимал, о чем он говорил. Как наезднику, мне было несложно это представить. Наверное, это только наездник и мог представить.

– Ты ведь не надеешься, что я приму решение сразу? – говорю ему.

– Нет? – спрашивает.

– Нет.

– Так есть, воля твоя думать столько, сколько нужно, – спохватился Кир-ра.

– Хорошо. Мы еще поговорим с тобой, – сказал я и поднялся на ноги.

Все это непросто. Сейчас, сразу после этого разговора, и потом, намного позже, я нуждался в аргументах в пользу Кир-ра или против него. В разговоре с ним трудно найти как те, так и другие. Я понимал то, почему он пришел, но не мог найти причин доверять иноземцу так, как доверял, например, Тот-ра. А доверять тому наезднику, который будет защищать мою спину, было просто необходимо.

В какой-то момент в голове промелькнула мысль о том, что Кир-ра может просто использовать меня и мою птицу для того, чтобы вернуться на свою землю. Или даже хочет завладеть Ши-те. Я быстро отогнал худшие опасения, но стал присматриваться к Кир-ра еще внимательнее.

На следующий день решился пролететь с Кир-ра по кругу и, быть может, даже попробовать «оружие». Этот опыт если не снял все страхи, то рассеял некоторые опасения практического характера. По крайней мере те, что касались сноровки второго наездника. Он уверенно держался в седле и не проявлял ни малейшего беспокойства перед бездной под крылом птицы. Самострел тоже не вызвал особых сложностей. Пролетая над пустынным местом Огненного острова, он выпустил пару стрел по заранее подготовленной цели на земле. И если первая из них едва не угодила за барьер, то вторая вонзилась в землю всего в нескольких шагах от старого мешка, подвешенного на жердь.

Тем временем Оту-мару становился все ближе. Других желающих рискнуть не объявлялось, и я понимал, что в этот день именно Кир-ра станет вторым наездником Ши-те. Стремительное приближение нового поворота в этой истории заставляло верить, что за непроницаемым лицом этого чужака не скрывается никакой угрозы.

13. И нет пути назад

...А потом наступил Оту-мару. Тот самый особенный

день шестой луны холодного полуцикла. В предыдущие дни я так много занимался птицей и тренировался, что в ночь накануне спал, как после отвара сонной травы. Хотя дело, конечно, не в ней. Сказывалась накопившаяся усталость – усталость тела и духа.

Проснулся поздним утром, когда лучи солнца на противоположной стене уже касались пола. Пожурил себя за то, что потерял столько времени, но пожурил формально, не ощутив ни капли вины. На самом деле почувствовал себя бодрым и отдохнувшим – впервые за долгое время. Перетягивание ремнями хартунга, бегом к конденсатору, а потом обратно, быстрая трапеза из нескольких земляных орехов. Обычное утро перед необычным днем.

Спустя пару солнечных шагов я был на площадке, где стояла Ши-те. Кир-ра уже ждал меня там. Возможно, ждал давно, но ничего не сказал, ни одним жестом не проявил недовольствия.

– Готов? – спрашиваю его.

– Так есть, – отвечает, не утруждая себя лишними комментариями.

На его лице по-прежнему не читалось ничего. Я хотел бы сказать «ничего, кроме решимости», но на самом деле – совсем ничего. Заметно только, что при ярком солнечном свете он кажется немного старше: в уголках рта и на лбу уже наметились тени морщин.

Чуть позже, когда мы уже собирались взлетать, на пло-

щадке появился Мику-ра. Наверное, это было неожиданно, но не более того. После обмена приветствиями и ничего не значащими фразами Мику-ра вдруг спросил (и это было уже действительно неожиданным):

– Уверен в том, что делаешь?

– Уверен ли я? В каком смысле? – еще не понимаю, к чему он клонит, но на всякий случай отхожу на несколько шагов в сторону от птицы, увлекая Мику-ра за собой. Слух механиков бывает очень острым. Иногда даже слишком.

– В разных смыслах, вероятно, – пожал плечами законник. Этот жест был для него нехарактерным.

– Как видишь, второй наездник у меня уже есть. Механики тоже постарались. Так что, да, я уверен, насколько это возможно сейчас.

– Я о другом, – отмахнулся Мику-ра. – Уверен ли ты в том, что должен подняться в воздух сегодня?

– Мне казалось, ты этого хотел, – удивился я.

– Ты говоришь так, будто я тебя заставил.

– Нет, на то моя воля. Но мне странно слышать, что тебя интересует моя уверенность.

– Быть может, быть может, – замолчал он на полуслове, но продолжил с неожиданным нажимом. – Но полет сегодня и полет на прошлый Халку-мару не есть одно. Думаю, ты понимаешь.

– Понимаю что?

– Что теперь для наездников храмовых птиц ты более

враг, чем прежде. И стрелы, предназначенные для нас здесь, могут быть направлены в тебя.

– Да, я думал об этом. Но разве не ты говорил, что мы должны защитить свободу воли именно сейчас? – сказал я то ли с пафосом, то ли с иронией.

– Да, это так, – словно нехотя согласился Мику-ра. – Но на Архипелаге становится опасно. Опаснее, чем когда-либо. И я хочу, чтобы ты понимал угрозу для себя лично.

– Ты имеешь в виду что-то конкретное? – еще больше понижаю голос.

– Я имею в виду, например, то, что два дня назад стрелы с храмовых птиц полетели в сторону людей Острова больших деревьев. Прошлой ночью оттуда не было никаких световых сообщений, но мы знаем, что они в страхе. И готовы проголосовать за кого угодно уже в ближайший Оту-мару. Теперь я не уверен, есть ли какой-то смысл вообще защищать свободу воли здесь. Возможно, через какую-то луну или две Огненный остров останется единственным, где она сохранится.

– Но мы должны попробовать, разве нет? – возразил я. Хотя надо признать, слова Мику-ра пошатнули и мою уверенность тоже. Пошатнули уверенность, которой и не было толком, если уж быть честным до конца.

– Если воля твоя, – вяло улыбнулся законник, – я просто хотел узнать, уверен ли ты в том, что делаешь, и понимаешь ли опасность, которая тебе грозит?

– Надеюсь, что да.

– Тогда мы встретимся на земле после заката, – сказал Мику-ра и показал открытую ладонь.

Я ответил тем же. Время взлетать. Совсем недалеко отсюда, на Площади, уже собирались первые группы людей.

Все случится (или не случится) очень скоро.

Я взлетел и круг за кругом по широкой спирали поднялся выше. Понимая, что храмовые птицы могут появиться откуда угодно, не спешу. Достаточно и той высоты, откуда удобно наблюдать за островом и всем вокруг. К счастью, еще одна пара глаз значительно облегчала эту задачу. Мельком, через плечо, я посмотрел на Кир-ра. Его седло повернуто спиной ко мне, и лица не видно. Впрочем, ни одно его движение не выражало нервозности или беспокойства, и я больше не оглядывался.

Встречный воздух сегодня казался холоднее, чем обычно, хоть солнце и светило необычайно ярко. Даже под плотно перетянутым хартунгом по коже скользили морозные потоки воздуха. Быть может, это был страх?

Я вдруг вспомнил свой первый полет за пределы проекции острова, первый момент, когда я осознал, что под птицей – Ничто. Это ощущение трудно сравнить с чем-либо, что испытывал прежде.

В полете над землей можно успокаивать себя тем, что даже если я сам ошибусь или подведут механизмы, мне грозит удар о жесткую, твердую, но осязаемую поверхность. За про-

екцией все иначе. Внизу – только подвижная серая пелена, конец всего и одновременно всего Начало, граница, замыкающая цепочку миров. Несложно представить тот страх, который испытывал наездник, впервые оказываясь один на один с бездной, удерживаемый от падения только силой небесного камня и механизмами птицы.

Когда внизу на Площади уже собрались люди Огненного острова и, кажется, Моту-ра уже начал говорить то, что предполагается, с закатной стороны появились три птицы. Ни больше и ни меньше, чем в прошлый раз. Но теперь они не скрывались, не прятались под островом, не огибали его по дуге. Просто приближались, выстроившись треугольником, примерно на той же высоте, на которой находился и я.

Последняя надежда на то, что ничего не произойдет, таяла, как утренний туман в солнечных лучах. Вопрос только один: что именно случится и как?

Энергичным движением хвостового рычага поворачиваю птицу носом к закату. Так, что металлический каркас жалобно заскрипел от напряжения. Еще несколько мгновений – и мы летели навстречу чужакам, широко разведя в стороны крылья. И если бы кто-то меня спросил сейчас, что я собираюсь делать дальше, не нашелся бы что-то ответить. Просто мчался наперерез трем Камо-те, полностью положившись на наитие.

Мгновение за мгновением, вздох за вздохом – машины ле-

тели навстречу друг другу для того, чтобы их пути пересеклись где-то на краю проекции острова. Уверен, в этот момент ко мне прикованы сотни пар глаз на Площади. Нет сомнений, что в их числе была и Миа-ку. Это не оставляет пространства для колебаний, даже если оно еще оставалось до взлета.

Сердце бьется быстро: тук-тук-тук. Дышу учащенно, глотая холодный воздух. А все-таки спокойнее, когда за спиной есть еще кто-то. Даже если не до конца понимаешь, кто именно.

Когда Камо-те оказались уже совсем близко, и я мог разглядеть лица их наездников, краем глаза увидел рядом искру света – мимолетный блик совсем рядом с птицей. Но отвлекаться некогда – ближайшая машина едва не зацепила Ши-те на встречном курсе. Скорее всего, это бы ни оставило шансов никому из нас. К счастью, храмовникам не хотелось испытывать прочность своих механических птиц, они разошлись веером в разные стороны. Одна из Камо-те со свистом пронеслась всего в десятке шагов. В лицо ударила волна воздуха, машину едва ощутимо качнуло в сторону.

Подвернув левое крыло и маневрируя хвостом, я заложил петлю для того, чтобы оказаться позади храмовых птиц. Со стороны башни один за другим звенели сдвоенные удары, сигнализируя о том, что чужаки уже внутри проекции.

– Они стреляли в нас, – перекрикивая свист рассекаемого воздуха, прокричал Кир-ра.

– Что? Как? – спросил я и тут же все понял сам. В то же самое мгновение, когда задал вопрос.

Во-первых, искрой света рядом с механической птицей был блик от пролетевшей рядом стрелы. Той самой, которая имела все шансы завершить историю в самом ее начале. Во-вторых, я осознал, что сейчас и только сейчас по-настоящему началось время открытой агрессии между мной и храмовыми птицами – агрессии без предположений, догадок и утаивания намерений.

А еще... Нельзя расходиться с Камо-те на встречных курсах. Роль мишени – не по мне. Необходимо ловить их на хвост, и только так.

Все это пронеслось в голове в один миг, и... волнение ушло. Его сдуло волной воздуха от встречной Камо-те, оставив обнаженные рефлексy, оголенные, очищенные от размышлений, чувства.

С опущенным носом и полусобранными крыльями Шите мчалась за чужаками. Каждая из храмовых птиц сейчас внутри проекции и в любое мгновение может выстрелить по людям на Площади. Я боялся опоздать, но перестал бояться еще чего-либо.

С того места, где нахожусь сейчас, видно, что из-за моего маневра две из трех храмовых птиц вынуждены описать широкие дуги: стрелять им стало неудобно, ведь для этого еще нужно успеть лечь на нужный курс. Необходимость отвлекаться от управления машиной для того, чтобы использо-

вать оружие, несколько ограничивало свободу действий храмовников.

Намного большее беспокойство у меня вызывала третья Камо-те, которая на небольшой скорости скользила над островом, приближаясь прямо к Площади. Я был почти уверен, что ее наездник выстрелит, но... Этого не произошло. Темный силуэт механической птицы всего в десятке шагов над поверхностью заставил людей буквально вжаться в землю. Я также видел, как некоторые из них вскочили и в панике побежали к краю Площади. Маленькие бестолковые фигурки в поисках защиты, как муравьи под неожиданно поднятым камнем.

Покинув пределы проекции с другой стороны, храмовые птицы начали разворачиваться. Очевидно, что они планируют пролететь над островом снова. Но, вместе с тем, именно сейчас у меня появилась отличная возможность наконец-то занять удобную позицию для стрельбы. Надо лишь развернуться по меньшему радиусу, чтобы оказаться прямо перед носом у первой из Камо-те.

– Держись и готовься стрелять! – прокричал я через плечо Кир-ра, одновременно укладывая на бок хвостовой рычаг и как можно быстрее перебирая винтом крыла. Ши-те быстро заваливалась на левый бок. Казалось, еще мгновение – и птица перевернется. Но нет. В ее корпусе снова застучали механизмы и заскрежетали тяги. Заканчивая поворот, Ши-те выравнивалась относительно горизонта.

Обернувшись, я увидел, что маневр удался. Ближайшая храмовая птица оказалась чуть выше и в паре десятков шагов позади. Ее наездник приподнялся в седле, на пару секунд опешив.

– Стреляй! Стреляй! – кричал я Кир-ра. Но он все видел и сам. Пока наездник Камо-те выравнивал свою машину и сам схватился за рукоятки самострела, Кир-ра прицелился и нажал на рычаг. Судя по всему, стрела не попала в цель, и Кир-ра выстрелил еще раз. Это была вторая и последняя стрела, которую мы могли использовать до перезарядки.

Впрочем, больше ничего и не понадобилось. Снова обернувшись, я увидел, как Камо-те начала заваливаться на правое крыло. Ее наездник в панике двигал рычаги оперения, но бесполезно – птица стремительно теряла управление. Еще несколько секунд – и она перевернулась. Поверхность острова прямо под нами не оставила храмовому наезднику ни единого шанса. На большой скорости машина врезалась в какую-то умму, подняв облако пыли и обломков.

Почти сразу две другие Камо-те ушли на высоту. Одна из них сразу покинула проекцию, направившись в сторону заката, а другая – сделала еще один полукруг над островом, после чего тоже отправилась домой. В небе не осталось никого и ничего, способного изменить привычный ход Оту-мару.

Стоит ли говорить о том, что с крыла Ши-те на землю мы с Кир-ра шагнули героями, о которых знал абсолютно

каждый житель острова. Но в тот вечер я мало что понимал и чувствовал, совершенно ослепленный и оглушенный произошедшим. Я видел встречные улыбки, открытые ладони, поднятые вверх... Очень много поднятых вверх открытых ладоней – новый жест этого странного времени. Механически я растягивал мышцы лица и наугад отвечал на приветственные жесты, но на самом деле видел другое – птицу, падающую на умму. Куски стены в воздухе. На солнце блеснул отлетевший в сторону фрагмент оперения. ...И хищное, неконтролируемое чувство восторга, от которого я закричал, как сумасшедший. Кажется, то же самое в тот момент происходило и с Кир-ра.

А потом все прошло, оставив болезненную и глухую пустоту. В какой-то момент мне остро захотелось закричать всем, кто сейчас приветствовал меня: «Почувствуйте! Подумайте! Мы лишаем друг друга жизни!». Но я ничего не сказал. Только старался остаться один. Кто-то потащил меня за рукав, говорил, что можно пойти посмотреть на разбитую храмовую птицу.

– Кто-то пострадал? – только спросил я.

– Нет, все были на Площади, – ответил незнакомец.

– А наездник?

– Да, разумеется... Там столько крови!

Я почувствовал, как к горлу подступает тошнота, и нырнул в ближайшую арку. А потом – еще в одну. Я не очень хорошо представлял, где я и куда нужно идти, но отчетливо

чувствовал, что хочу убежать и спрятаться. Как в те далекие солнечные циклы, когда был еще новой жизнью.

После того, как солнце село, а на острове стало темно и тихо, в мою умму еле слышно просочилась Миа-ку. Больше всего я боялся, что и она будет говорить о подстреленной храмовой птице, но этого не произошло. Она всегда понимала меня лучше, чем кто-либо. Мы просто молча держались за руки, глядя как звезды над нами становятся ярче.

– Кто теперь наш главный законник? – шепотом спросил я, когда снова обрел шаткое подобие привычного спокойствия. Не то, чтобы мне действительно был интересен ответ на этот вопрос, но лучшего повода услышать голос Миа-ку я не нашел.

– Моту-ра, – в полумраке вижу, как она повела плечом.

– Это хорошо...

– Хорошо, что ты тут, – прошептала Миа-ку.

Я привлек ее к себе и прижался губами к мочке уха. Кажется, что обнимал, но на самом деле держался за нее, как за единственную точку опоры. И если бы ни эти руки на моих плечах, ни этот запах, ни этот нежный участок кожи под моими губами – сорвался бы и улетел прямо к звездам.

14. Тайны прошлого и птицы прошлого

– Что ты думаешь о вчерашнем дне? – спросил я Кир-ра, сидя на крыле птицы, свесив вниз ноги и щуясь от подни-

мающегося в зенит солнца.

– Нужно тренироваться больше. Было бы хорошо стрелять по целям движущимся, но не знаю, как это сделать можно, – ответил Кир-ра, не отвлекаясь от перезарядки самострела. Когда Тот-ра создавал оружие, ему и в голову не пришло, что однажды его придется перезаряжать. Более того, перезаряжать в полете.

– Это все? Все, о чем ты думаешь?

– Тебе бросаться не следует на храмовых птиц лицом к лицу. Так только больше шансов к Началу отправиться.

– Я тоже это понял. Но я о другом...

– Конкретное что-то услышать хочешь? Спроси тогда конкретно, – пробурчал Кир-ра и в следующую секунду чуть не лишился пальцев. С тугим, сочным звоном самострел сработал во время перезарядки, выбросив куда-то на край площадки незакрепленную пока стрелу.

Кир-ра пробурчал про себя какие-то глубоко чужеземные ругательства, но без особой злости. Я бы даже сказал – с поразительным хладнокровием.

– Ты понимаешь, что мы вчера лишили жизни наездника? – спросил я напрямую.

– Конечно, понимаю это, – Кир-ра на мгновение отвлекся, осмотрелся по сторонам и взял в руки вторую стрелу.

– И что ты думаешь ОБ ЭТОМ?

– Думаю, что если бы мы не лишили жизни наездника вчера, то жизни лишился бы кто-то на Площади. Ты бы мучил-

ся больше еще. Говорил бы: "Кир-ра, почему я не лишил их жизни?" – забавно спародировал он мою манеру речи. – Или не так – тебя бы вообще не мучило ничего уже. Соскребали бы тебя с камней с обломками Ши-те вперемешку.

– Я понимаю, – покорно согласился я с очевидным.

– Смирись поэтому. Жизнь есть страдание изменчивое, ясно? Сегодня сильнее оно, а завтра – слабее. К тому же храмовника жизни лишил я. Не ты, – добавил он не без удовлетворения в голосе.

– В какой-то степени мы сделали это вместе.

– Ты никогда прежде жизни не лишал? – вдруг спросил Кир-ра, наконец закончив заряжать самострел. Теперь он смотрел мне прямо в глаза, и от этого стало немного не по себе.

Странно, но в присутствии наездника с Солнечного острова я все еще чувствовал себя неуверенно. Хоть после вчерашнего полета никаких причин не доверять ему уже не видел.

– Конечно, я не лишал никого жизни прежде, – сказал я и тут же понял, что сама формулировка вопроса подразумевает, что для самого Кир-ра это было не впервые. – А... А ты?

– Архипелаг – не такое уж место прекрасное. А есть ли другие? – только и сказал Кир-ра немного позже. Вопрос не был адресован мне лично, и я промолчал.

Ну, что ж, ладно. Я не буду настаивать. Некоторое время мы сидели молча, каждый в чем-то своем, пока за спиной

вдруг не прогремело:

– Видимо, вы хотите перья погнуть, – пробасил Тот-ра. Его голос приходилось слышать не так уж часто, но перепутать его с любым другим – невозможно.

Как новая жизнь от резкого выкрика старшей матери, я торопливо спрыгнул с крыла на землю. Как будто нехотя соскользнул на площадку и Кир-ра.

Обогнув птицу, главный механик передал сопровождавшему его помощнику металлический ящик с инструментами и с удивительной для его телосложения легкостью взобрался на спину Ши-те.

– Идея есть, как самострел улучшить. Чтоб заряжать стрелы в полете, – бросил он в мою сторону, а потом покосился на Кир-ра. То ли с пренебрежением, то ли с недоверием.

– Если воля твоя помочь, буду только благодарен, – ответил я.

А вечером того же дня нас снова атаковали. В то время, как я был уже в своей умме и чистил хартунг, над островом вдруг снова появились храмовые птицы: три машины в ряд, одна за другой. Никто не ожидал их увидеть прямо сейчас, и звон с башни прозвучал уже тогда, когда Камо-те пересекали проекцию. Слишком поздно, чтобы я успел отреагировать. Как раз вовремя, чтобы успеть стать пассивным наблюдателем.

Конечно, я попытался, но даже не успел добежать до пло-

щадки, где стояла Ши-те. В одном из широких проходов на пути к ней я услышал, как кто-то закричал. Оборачиваюсь и вижу, как храмовые птицы полого снижаются к какой-то невидимой мне цели на острове. Слишком далеко, чтобы разглядеть, но можно было не сомневаться, что каждая из них все-таки разрядила свой самострел. Почти сразу Камо-те взмыли вверх и, круто развернувшись прямо над островом, уходили на Закат. Преследовать их уже не имело никакого смысла.

Я был почти уверен, что этим вечером кто-то лишился жизни. Забыв о площадке, побежал в тому месту, над которым планировали храмовые птицы, но очень боялся того, что мог там увидеть. До ужаса боялся.

К счастью, худшие ожидания не оправдались. Более того, растолкав толпу и выбравшись на открытое пространство перед Полукругом, где все и произошло, я не смог сдерживать улыбки. Целью храмовых наездников оказалась Ли-те – и без того изувеченная птица, на которой в свое время потерпел аварию Кир-ра. Две стрелы почти полностью вошли в ее металлический бок, а еще одна насквозь пробила крыло.

В первые мгновения я не мог понять, чем угрожала храмовникам сломанная машина, которая уже много лун стояла на площадке у Полукруга, как памятник. Но потом я понял. Отчетливо понял.

Стрелы, попавшие в Ли-те, предназначались моей механической птице. И ее удача заключалась только в том,

что храмовые наездники ошиблись. Действительно, на земле очертания птицы с Солнечного острова сильно напоминали профиль Ши-те, а неповрежденным при аварии боком она была повернута именно к Закату.

Словом, мне повезло. Нам всем повезло. Ши-те осталась нетронутой, хоть храмовники и думали иначе. Но что сделают они теперь, уверенные в своей победе?

С тревогой я пытался найти ответ на этот вопрос, но одновременно, где-то в глубине души, чувствовал удовлетворение. Мы заставили их опасаться. Они боялись моей механической птицы и охотились за ней. А значит, все не зря.

Отступление: моя персональная Сущность

Когда Сущность пришла ко мне впервые, я обмочился и получил трепку от матери. Нехорошо это, когда тебе уже семь солнечных циклов от роду.

Тогда я увидел много чего: летающие машины и парящие острова, огромные камни и незнакомых людей, а еще – тонкие алые щупальца, протянувшиеся из меня, из самого моего нутра ко всему вокруг. Две таких нити, самые яркие и переливающиеся перламутром, соединяли меня с матерями, спавшими рядом – прямой и старшей. Мои глаза были закрыты, но я видел их. Скорее, даже не их физические оболочки, а нечто более настоящее – внутренний свет самой жизни.

Кто бы тут не обмочился?

Когда я закричал, расплакался и сбивчиво, взхлеб рассказал женщинам о том, что увидел, то получил порядочную трепку. «Бестолковой голове – бестолковые сны!» – ворчала мать, сдирая с меня мокрый хартунг. А старшая мать не сказала в ту ночь ничего, только посмотрела странно и как-то даже с жалостью.

Прошла пара дней прежде, чем она посоветовала мне – наедине и почти что шепотом:

– Не говори никому о Сущности.

– О... ком? – переспросил я, почти что забыв о странном видении, как забывают новые жизни все плохое и страшное.

– О Сущности. Ты можешь называть Ее так, но только про себя. И не бойся ничего: она не причинит тебе вреда, а быть может даже поможет. Когда-нибудь. А пока... Она просто будет иногда показывать тебе картинки.

– Хорошо... – сказал я, не зная, что ответить.

– Только никому не говори о ней, слышишь? Одни неприятности от этого, – еще раз строго предупредила старшая мать.

Старшей матери уже нет давно среди живых, а ее наставлений я придерживаюсь по сей день. Уже потом, значительно позже, я узнал, что очень немногие чувствуют Сущностей. Что храмовники видят в таких людях «освидетельствованных» Создателем, а технократы диагностируют у них расстройство ума. Это расстройство даже имеет свое название – «Синдром присутствия».

Так кто же я – «освидетельствованный» или умалишенный? Самому себе на этот вопрос можно и не отвечать, а вот услышать ответы других придется. Именно это, наверное, и имела в виду старшая мать, говоря о неприятностях. И подозрение в помутнении рассудка – меньшее из них. Хуже, если тебя посчитают храмовником. Тем более сейчас, когда я сам, именно я, стал живым оружием в борьбе с ним.

Может, храмовники для меня и правда ближе, чем мне хочется думать, а? Может, я и есть один из них – если не по вере, то по сути?

Так или иначе, никто не знает о том, что ко мне приходит Сущность. Даже Миа-ку. А я... Сам я уже привык. Происходит это нечасто и, откровенно говоря, вовсе не обязательно воспринимать картинки, которые показывает Сущность, всерьез.

Я точно знал, я видел, я чувствовал, что каждая из этих картинок – не просто так. Они тесно связаны с моим прошлым, будущим и настоящим, а смыслы, которые они несут, важны для меня. Почему-то важны. Но если пытаться в этом разобраться, то слишком легко лишиться рассудка на самом деле. Технократы так и говорят: «Лучший способ лечения – невнимание». Наверное, именно так я лечил себя сам, и со временем Сущность действительно стала напоминать о себе реже.

Но в последние две луны все изменилось. Все изменилось, когда Конструкт опустился в Ничто, и наш мир стал другим.

Сущность приходит ко мне почти каждую ночь – показывает свои картинки где-то на границе сна и яви. Иногда я не понимаю их смысла вовсе, а иногда – с ужасом вижу в них отражение действительности. И не знаю, что делать с этим странным знанием.

Кто говорит со мной через эти образы? И зачем говорит? Стоит видеть в этом угрозу или помощь извне? Игнорировать, бояться или благодарить?

Я не знаю.

15. Привычка лишать жизни

Ддонг... Ддонг... Далекие звонкие удары, один за другим. Потом чей-то удивленный возглас. Еще один, почти переходящий в крик. И снова: Ддонг... Ддонг... Я слышал все это через плотную пелену утреннего сна, но не мог отделить реальность от отражений. В одном из них, совсем недавно, я уже видел нечто подобное. Звон, голоса и остров, который парит легко, как механическая птица...

– Тиа-ра! Тиа-ра, просыпайся! – в отличие от всех остальных этот голос был прямо над ухом. Он и выдернул меня из тревожного и вязкого сна.

Я открыл глаза и тут же увидел лицо рудокопа из соседней уммы. В нос ударил резкий запах трав и пота.

– Что?.. Что такое?

– Храмовые птицы скоро здесь будут! Поднимайся!

– А я при чем?.. – успел спросить я за мгновение до того,

как память о последних днях обрушилась на меня, как поток холодной воды. Я простонал и откинулся обратно на постель.

Еще один вдох, еще пара ударов сердца, и я уже на ногах, ныряю в мятый хартунг и на ходу перевязываю его ремнями. Один под грудью, другой – вокруг бедер, еще по ремню – на плечах. На большее времени нет, и я уже бегу к Ши-те, едва не сбросив в мусорную канаву какую-то новую жизнь.

Поворот. Арка. Еще поворот и длинный коридор между несколькими уммами. Открытое пространство рядом с конденсатором и извилистая дорожка, огибающая плавильные ямы. До боли знакомый маршрут, который я мог бы пройти и в полной темноте, ни разу не наткнувшись на стену.

Еще один поворот и... площадка. Ши-те стоит с почти полностью собранными крыльями, отражая полированным боком рассветные лучи. Быстро убеждаюсь, что заряженная спираль на месте, и птица готова к полету. Так быстро, как только могу, орудую рычагом прыжкового механизма, заводя пружины. Но где Кир-ра? В проходах между ближайшими уммами можно разглядеть только мелькающие тени. Кто-то спешил на Площадь, кто-то, напротив, искал убежища от угрозы с неба.

Подождать его? Или взлетать? Но что я мог сделать без второго наездника? Я думал всего несколько мгновений, пока не увидел храмовых птиц. Одна... Две... Три... Четыре! Двумя парами приближаются с Заката и, кажется, уже пересекают проекцию острова. И, может, шанс выбора еще оста-

вался, но тут одна из птиц наклонилась на бок и начала поворачивать в мою сторону. Совершенно отчетливо я понял, что ее наездника привлек блеск металлического оперения, хорошо заметный с воздуха, и очень скоро он будет здесь.

Прыжковый механизм заведен не до конца, Кир-ра до сих пор не появился, но времени нет. Я вскочил в седло, привязал себя ремнем и ударил ногой по рычагу. За мгновение до этого в нескольких шагах перед носом птицы фонтаном взлетел сноп искр – туда ударила стрела. Короткий, но громкий и резкий звон металла о камень. Увидев, что я почти взлетел, наездник храмовой птицы поспешил выстрелить по неподвижной цели и промахнулся.

Момент – и машину подбросило в воздух. Сила небесного камня увлекла ее вперед, а я так быстро, как только мог, разворачивал крылья. Бросок был слишком слабым, поэтому Ши-те едва не распласталась по площадке. Меня спасла более мощная, чем прежде, спираль. Конструкция затрещала от напряжения, а птица надрывно проскрежетала по поверхности лапами. Казалось, вот-вот зацепит носом каменные плиты и рухнет окончательно.

Взлетела. Я взлетел. Уммы, камни, проходы, люди – все быстро сжимается, привычно закладывает уши.

Я в воздухе, но причин для радости по-прежнему мало. Бросив взгляд через плечо, вижу, как быстро приближается храмовая птица. Ее самострел разряжен, но не меньшую опасность представляет тяжелый, прочный клюв. С первого

взгляда очевидно: он создан для того, чтобы крушить и ломать. И у меня есть все шансы испытать это на себе.

Как же не хватает сейчас на заднем седле Кир-ра!..

Я выжимал все, что можно, из спирали и небесного камня, но оторваться практически не было шансов – запас скорости Камо-те был все еще высок. Если бы дотянуть до края острова, я мог бы попытаться нырнуть вниз, но враг настигнет меня раньше... Эти несколько сотен шагов не преодолеть.

Мысли вертелись в голове с бешеной скоростью, а внизу живота плотным комком сжимался страх. Остановить все... Все остановить и вернуться в то время, когда ничего этого не было.

За несколько мгновений до того, как храмовая птица с огромной силой ударит клювом мой хвост, я вдруг осознал: мы должны разбиться вместе. Я должен любой ценой утащить чужака с собой вниз. Удивительно, но эта мысль сразу погасила страх. Ему на смену пришел какой-то болезненный азарт, и я всем весом навалился на хвостовой рычаг.

Птица закричала и завалилась на хвост, быстро теряя скорость. Мощный встречный поток воздуха гнул крылья, рискуя переломить их, но, вместе с тем, моментально подбросил машину вверх на два или три шага. Еще мгновение назад удар острого наконечника клюва Камо-те должен был прийтись прямо в основание моего хвоста, но теперь я оказался немного выше.

И... Мне повезло. Противнику не хватило опыта и, воз-

можно, смелости. Из этого столкновения храмовник все равно мог выйти победителем, но в последний момент испугался, не захотел рисковать, рванул рычаг, пытаясь уйти от столкновения, хоть было и слишком поздно.

Сильный толчок, скрежет металла, Ши-те еще сильнее наклонилась назад, и я ухватился за рукоятку, ожидая, что через пару мгновений последует неизбежный удар о какую-нибудь умму... Но этого не произошло. Птица качнулась вперед, и энергичным движением рычага я помог ей выровняться.

Когда я понял, что все еще лечу, а удар был лишь по касательной, откуда-то сзади послышался громкий удар и скрежет. Храмовая птица коснулась земли, потеряла одно крыло и по инерции скользила по открытой площадке, высекая искры, оставляя на земле фрагменты оперения и обшивки корпуса. Она остановилась через несколько десятков шагов – прямо напротив какой-то уммы.

Это было похоже на чудо, но... Я снова победил. И до сих пор жив.

Разворачиваясь по широкой дуге, приподнимаюсь в седле и осматриваю хвост. Несколько перьев погнуты, но механизм до сих пор слушается рычага. В этот короткий отрезок времени я уже вылетел за пределы проекции, и потеря управления означала неизбежное падение в Ничто.

Пока я поворачивался носом к острову, три другие храмовые птицы уже удалялись в сторону Заката. Впрочем, по

этому поводу у меня не было никаких иллюзий: каждая из них наверняка разрядила над островом свой самострел.

Уже на земле я узнал, что две из трех стрел, выпущенных с воздуха, не нанесли никакого существенного вреда, хоть и смертельно напугали людей, в чью сторону было направлено оружие. Но везение не может быть постоянным явлением, и один храмовник все-таки попал в цель. Его самострел тяжело ранил механика с плавильных ям: стрела попала чуть ниже бедра, переломила кость и прошла навылет. Несчастный должен был лишиться жизни из-за потери крови, но ему вовремя помогли. Весь вечер и последующую ночь человек был среди отражений. Знающие люди говорили, что в любой момент он может совсем оставить свою оболочку, но пока держится...

Не в лучшем положении был и наездник разбившейся Камоте. На пути ее падения не оказалось ни одной уммы, и храмовник сохранил жизнь. Впрочем, тяжелые травмы наездник получил еще раньше, при столкновении с Ши-те. От удара о хвост моей птицы тяжелый механизм самострела сорвался с турели, раздробил плечо чужака и несколько ребер.

Волей случая или силой Вмешательства оба раненых – тот, что лишает жизни, и его цель – этой ночью оказались в одной умме, в шаге от того, чтобы оставить свои оболочки и вернуться к Началу.

А я... Наверное, мне не на что жаловаться. Я не получил даже царапины, а ореол героя стал только ярче. Все были

уверены в том, что наездник Ши-те сбил еще одну храмовую птицу. Я пробовал вяло сопротивляться: говорил, что это произошло случайно, что моя роль в этом не так уж велика... Но никто даже не хотел слушать.

В какой-то момент я понял, что никому не хочется знать, КАК именно это случилось. Людям нужен образ защитника, и, если бы в небе над Огненным островом не было меня настоящего, они бы просто выдумали другого героя.

Да, мне и вправду не на что жаловаться. Но ощущение отращения и осознание ужаса всего происходящего не проходило. Наверное, к этому невозможно привыкнуть. Или возможно?

– Что происходит? Что происходит, а? – почти кричал я в умме Закона.

– Сядь, – сказал Мику-ра. Еще один законник смутился и вышел из помещения. Остался лишь Сог-ра, как бледная тень Мику-ра. Его уж не смутить так просто. Он посмотрел на меня так, словно речь шла о чем-то обычном, обыденном. Посмотрел и вернулся к своим таблицам.

– Знаешь, я не хочу садиться. Просто скажи мне, что происходит. Хорошо, я – наездник, я делаю то, что могу. Ладно, ты меня предупреждал, а я знал, что МОЖЕТ быть. Но это... Это превратилось в какое-то безумие – безумие без слов. Как будто так и надо: они прилетают и пытаются лишить жизни нас, меня, а мы отбиваемся как можем. Как будто так и надо.

Ты же законник, верно? Расскажи мне, что происходит!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.